
ЧУЖАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
Ксения Волкова
18+

Ксения Волкова
Чужая. Часть 2

https://litres.ru/74230442
SelfPub; 2026

Аннотация

Ксюша на роскошной яхте направляется в Нью-Йорк под присмотром загадочного Васи, который, как оказалось, далеко не так прост. Что ждет ее там? Еще одна золотая клетка или смерть? Алекс Эшли - миллиардер, хозяин оборонной корпорации, человек из закрытого круга тех, кто предпочитает управлять миром из тени. Он не просто нашел Ксюшу. Он искал её больше двадцати лет. И теперь у него для неё новая роль. Вот только какая?

Вторая и заключительная часть дилогии "Чужая".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	52
Глава 5	73
Гл	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Ксения Волкова
Чужая. Часть 2

Глава 1

Говорят, что цель оправдывает средства. Красивая фраза, блестящая, как золотой «Ролекс» на руке покойника. Обычно её обожают циники со стажем или такие, как я. Те, кому при рождении забыли вставить блок совести.

В моем мире это простая арифметика. Если хочешь результат — используй ресурс. Любой. Деньги, связи, удачное стечение обстоятельств. Ну и людей, конечно. Люди — самый возобновляемый и при этом самый капризный вид топлива. Весь вопрос лишь в соразмерности. Глупо резать продавца мороженого в знойный полдень только потому, что у тебя не хватает пары баксов на пломбир. Ты, конечно, охладишься (если успеешь), но следующие лет двадцать проведешь там, где вместо мороженого дают баланду, а вместо солнца небо в клеточку. ROI (окупаемость инвестиций, если кто не в курсе) в этой схеме ниже плинтуса.

Но если твоя цель - вершина? Власть, от которой кружится голова, и столько денег, чтобы ими можно было топить камин в пентхаусе на Манхэттене? Тут ставки другие. Манипуляции, предательство, ложь… даже убийство. Желатель-

но, конечно, чужими руками, так гигиеничнее. Я никогда не была брезгливой. Я умела пользоваться инструментами. Но сейчас, пока эта безумно дорогая яхта разрезала волны Атлантики, держа курс на Нью-Йорк, до меня дошло. Дошло по-настоящему, до колик в пустом желудке.

Я сама - инструмент. Палуба под ногами мелко вибрировала. Пахло йодом и чем-то неуловимо стерильным… Так пахнет роскошь, в которой нет места случайным крошкам или запаху человеческого тела. Я смотрела на темную воду и понимала - отвертке не положено знать чертеж дома. Молоток не спрашивают, нравится ли ему забивать гвозди в крышку гроба. Инструмент просто работает. Пока не сломается или пока его не заменят на новый, более блестящий и функциональный.

Любая «нормальная» девушка в моей ситуации уже захлебнулась бы соплями. Покорилась бы судьбе, свернулась калачиком на шелковых простынях каюты и ждала, что решит Хозяин.

Но я не «нормальная». У меня в голове нет этой настройки. Я хищник. Психопат... вернее психопатка. И пусть в этой мутной воде нашлась акула покрупнее, это не значит, что я превратилась в планктон.

Я чувствовала, как где-то глубоко внутри, в районе солнечного сплетения, подобно огню, разгорается глухая ярость. Алекс думает, что купил себе идеальное зеркало? Что ж. Зеркалом тоже можно перерезать горло, если его во-

время разбить.

Зубы у меня на месте. И я их обязательно покажу. Но сначала мне нужно понять, как работает этот гребаный механизм, в который меня вставили вместо шестеренки.

Три дня. Семьдесят два часа тишины, прерываемой только шелестом волн и мерным, едва уловимым рокотом дизелей. Мы не плывем - мы «идем», как поправляют меня некоторые знатоки морского этикета. Моряки вообще народ суеверный, для них «плавает» только то, что обычно всплывает в канализации.

Морской болезнью я, слава богу, в которого не верю примерно лет с шести, не страдаю. Но тоска на этой яхте царит такая, что хоть за борт прыгай. Зеленая, как прибрежная тина.

Весь мой мир сузился до размеров этой палубы и фигуры «Васи». Наш капитан, рулевой и мой персональный конвоир в одном флаконе. Вася очень старательно играет роль этакого недалекого дуболома. Такая классическая модель «шкаф с антресолями» - мышцы, короткий ежик волос и интеллект на уровне Патрика из «Спанч Боба». Но я-то вижу суть. Меня не проведешь.

За этой маской прячется хищник. Умный, хитрый, с тем самым специфическим прищуром человека, который привык сканировать пространство на предмет угроз раньше, чем успеет поздороваться. Огромный опыт оперативной работы так просто не спрячешь, он в том, как он стоит, как распре-

деляет вес тела, как всегда, держит меня в поле зрения, даже когда смотрит на радар.

К счастью, приставать он не пробовал. То ли я не в его вкусе, то ли инстинкт самосохранения подсказывает ему, что за порчу «ценного имущества» Алекс сделает с ним что-то очень неприятное и технически сложное. Тратить нервы на то, чтобы его отшивать, не приходится, и на том спасибо.

Но вот шуточки… Шуточки у него такие, что воздух вокруг начинает пахнуть дешевой казармой и несвежими портянками.

— Слышь, Ксюх, ты на леера-то так грудью не налегай, — заржал он сегодня утром, когда я в купальнике вышла на палубу подышать морским воздухом. — Железо не выдержит, погнется от такого напора. А у нас за порчу экстерьера вычет из страховки.

Я промолчала, разглядывая горизонт. Соль засыхала на губах белой коркой, неприятно стягивая кожу.

— Чего молчишь? — не унимался он, лениво крутя штурвал. — Ты не грусти, похрусти. Тебя Алекс приоденет, в золото закатает — будешь как новенькая статуя Свободы. Разве что без факела, но зато с огоньком. Ты же у нас девушка зажигательная, мать твою… в буквальном смысле, да?

Я почувствовала, как внутри всё покрывается инеем. Это уже не юмор. Это – вброс, причем конкретный и с расчетом. Он знает. Знает про пожар, про мать, про всё. Проверяет реакцию.

— Ты, Вася, или как тебя там на самом деле, лучше за курсом следи, — ответила я максимально ровным голосом. — А то врежемся в какой-нибудь айсберг, и придется тебе меня на дверном полотне спасать. А я, в отличие от Роуз, местом не поделюсь.

— Острячка, — хмыкнул он, и в его глазах на секунду блеснуло что-то совсем не тупое. — Люблю острые инструменты. Главное — за рукоятку правильно держать.

Я развернулась и ушла на нос яхты. Ветер бил в лицо, а в голове крутилась одна и та же мысль, навязчивая, как зубная боль.

Что ты приготовил мне на том берегу, Алекс? Новую золотую клетку с видом на Центральный парк или роскошный гроб из полированного палисандра? Впрочем, в гробу хотя бы тихо. А в клетке мне придется снова учиться петь.

Вечер накрыл Атлантику тяжелым синим одеялом, но внутри яхты царил стерильный электрический уют. Я сидела в «гостиной», хотя Вася и называл это салоном, но для меня это была просто очень дорогая комната в очередной очень дорогой клетке.

По телевизору крутили новости. Картинка была сочной, красивой, дорогой - похороны «безвременно ушедшей» конгрессвумен Джулии Эшли. Закрытый гроб - бензовоз не оставляет шансов на открытую экспозицию. В центре кадра Алекс собственной персоной. Черный костюм, идеально сидящий на плечах, скорбная складка у губ, глаза спрятаны за

темными стеклами очков. Он читал речь. Голос звучал ровно, с той самой правильной дрожью в нужных местах. Если бы за лицемерие давали «Оскара», Алекс заполнил бы статуэтками всю свою яхту и кабинет в придачу.

Вася сидел в кресле напротив, лениво листая что-то в планшете. Его лицо, освещенное снизу мертвенным светом экрана, казалось маской, вырубленной из куска мореного дуба.

— Красиво поет, — подала я голос, кивнув на экран. — Как думаешь, Вась, он сам текст писал или нанял кого-то из спичрайтеров Белого дома?

Вася оторвался от планшета и посмотрел на экран, где Алекс как раз прикрыл глаза рукой, изображая высшую степень страдания.

— Наш босс всё делает сам, Ксюха, — хмыкнул он. — Он у нас многостаночник. И жнец, и швец, и на дуде игрец. А в данном случае — еще и главный плакальщик.

Я решила, что момент подходящий. Пора было прощупать этого «Патрика» на предмет того, что у него внутри.

— А ты давно с ним? — я постаралась изобразить простое девичье любопытство. — Ты не похож на обычного охранника. Слишком хорошо соображаешь для того, кто просто открывает двери.

Вася медленно отложил планшет и посмотрел на меня. В его глазах не было ни капли той тупости, которую он так старательно демонстрировал днем.

— А я и не охранник, Ксю. Я - доверенное лицо. Это как гарнир к основному блюду. Вроде и не мясо, но без него тарелка пустая. А насчет «давно»… С хорошим человеком время летит быстро. Как пуля. А главное – в цель.

— И какой он? Вне камер? — я придвинулась чуть ближе, залезая с ногами на диван. — Ну, кроме того, что он психопат с манией величия?

Вася заржал в голос.

— Острая ты на язык, Ксюха. Прямо как бритва «Жилетт» — первое лезвие бреет чисто, второе еще чище, а третье вырезает аппендицит. Алекс — он… особенный. Знаешь, в чем его главный талант? Даже талантище?

Я замерла, боясь спугнуть откровение.

— Он умеет находить правильных людей, — Вася поднялся с кресла, потягиваясь так, что суставы хрустнули. — Правильных и нужных. А главное, он умеет их правильно использовать. До последней капли, до самого донышка. Как тюбик с пастой - пока весь не выдавит, не выбросит. И все довольны, заметь. Всем кажется, что они сами этого хотели.

Он зевнул, глядя на часы, и направился к выходу.

— Ладно, философский кружок закрывается. Яхта на автопилоте, на радаре чисто, а мне еще поспать надо. Завтра уже будем огни большого города рассматривать.

Он уже взялся за ручку двери, но вдруг обернулся. На его лице снова появилась та самая плотоядная, сальная ухмылка, которую я ненавидела.

— Ты, Ксюха, тоже не кисни. Фигурка у тебя — закачаешься, Алекс таких любит. Жаль только, что внутри ты как ледяная статуя. Говорят, от секса ты удовольствия получаешь меньше, чем от чтения биржевых котировок. Фригидность - это, конечно, диагноз печальный, но для дела иногда полезный. Меньше гормонов — чище разум. Спокойной ночи, Снежная королева.

Дверь за ним закрылась с мягким щелчком.

Я осталась сидеть, глядя на экран, где Алекс продолжал свою скорбную игру. Внутри у меня всё не просто похолодело, меня как будто насквозь пронзило током. Откуда? Откуда этот шкаф мог знать о моей, скажем так, «физиологической особенности»? Этого не было в медицинских картах. Я никогда, ни одному врачу, ни одному парню, ни даже Семёну об этом не говорила. Я мастерски имитировала всё, что нужно, когда это было необходимо для дела. Это моя самая глубокая, самая интимная тайна - моя полная эмоциональная и физическая холодность, отсутствие ощущений от секса. Мой дефект, ставший моей броней.

И теперь этот «Вася» выплеснул мне это в лицо как ведро помоев.

Значит, Алекс знает обо мне не только то, что я делала. Он знает, что я *чувствую*. Вернее, чего я не чувствую. Я посмотрела на экран. Алекс на трибуне поднял голову, и мне на секунду показалось, что сквозь темные стекла очков он смотрит прямо на меня.

Меня не просто использовали. Меня препарировали еще до того, как я попала на эту яхту.

Ночь в открытом океане — это не романтика из девичьих книжек. Это чернильная пустота, в которой нет ни одного ориентира, кроме звезд и показаний радара, который сейчас послушно сканировал пространство для автопилота.

Мне не спалось. Сон — это роскошь для тех, у кого совесть чиста или мозги отсутствуют. У меня не было ни того, ни другого в привычном понимании. Я ворочалась на шелковых простынях, которые казались слишком скользкими, почти маслянистыми. В голове, как заезженная пластинка, прокручивался один и тот же вопрос: как мне теперь с ним играть?

Алекс не просто сломал мою игру. Он её аннигилировал, превратил в пыль и развеял над Атлантикой. За всю мою короткую, но насыщенную биографию мне не попадались профи такого калибра. Максименко в Москве казался опасным псом, Семён, оказавшийся даже не Семеном, а Олегом — хитрым кукловодом, но Алекс… Алекс был богом из машины. Он читал меня не как книгу, он читал меня как программный код, в котором сам же и расставлял комментарии.

Я чувствовала себя дурой. Самоуверенной маленькой девочкой, которая решила, что может манипулировать гроссмейстером, едва научившись отличать коня от ладьи. Вся эта чушь про «зеркало», про его ностальгию по юности… Я больше не верила в это ни на грош. Психопаты его уровня не

страдают сентиментальностью. Они не ищут «родственную душу», чтобы вместе смотреть на закат. Они ищут функционал.

Вася - этот «шкаф» с двойным дном, выдал мне ключ, сам того не зная. Или зная? «Он умеет находить правильных людей и правильно их использовать».

Зачем ему я? Ладно, допустим, я не совсем обычная. Умная, зубастая, лишенная человеческого «балласта» в виде эмпатии. Но в мире полно хищниц. Модельные агентства, элитные бордели и факультеты МГИМО забиты амбициозными дрянями, готовыми на всё. Да и социопаты – это не настолько большая редкость, как может показаться непосвященному человеку. Все эти сотые доли процента от того, что официально диагностируют это у единиц из тысяч. Но Алекс искал именно меня. Вернее, девчонку с моим конкретным «набором параметров». И искал, судя по всему, больше двадцати лет, то есть дольше, чем я вообще топчу эту землю.

Такой методичный поиск не затевают ради того, чтобы поматросить и бросить. Никто не тратит десятилетия на поиск одноразового инструмента. Презерватив покупают в ближайшей аптеке, а не заказывают уникальную разработку в секретных лабораториях. Овчинка не стоила бы выделки. Тот факт, что он выложил мне карты на стол и я до сих пор дышу — это не милость. Это инвестиция.

Я закрыла глаза, пытаясь унять дрожь в руках. Главный вопрос, от которого сейчас зависело всё — от меню моего

завтрака до длины моей жизни, звучал просто: *что именно* он во мне нашел? Какую такую уникальную деталь, которой не было у моих предшественниц?

Если я пойду к нему, не зная ответа, я превращусь в биоматериал. Если узнаю — у меня появится шанс нащупать его слабость. Моя стратегия выживания с этим монстром теперь напоминала ходьбу по тонкому льду над бездной. Один неверный шаг, одна фальшивая нота, лед треснет, и я улечу прямиком в пропасть.

Мысли начали путаться, становясь вязкими, как патока. Шум волн за бортом, ровный, гипнотический, постепенно вытеснял паранойю. В конце концов, даже у таких «Homo Mechanicus», как я, садится батарейка. Я провалилась в тяжелый, беспокойный сон под мерное баюканье океана.

На следующее утро я проснулась с ощущением, что мир вокруг стал чуть более осязаемым. Возможно, дело было в кофе — настоящем, неприлично дорогом, от аромата которого даже у такой черствой души, как моя, по загривку пробежали мурашки. Я привела себя в порядок, глядя в зеркало на своё отражение: бледная кожа, острые скулы, глаза, в которых застыл лед. Идеальный инструмент, готовый к работе.

Вася уже торчал наверху, за штурвалом. Я решила, что настало время для небольшого следственного эксперимента. Или, если честно, мне просто захотелось немного похулиганить. Посмотреть, насколько глубоко зацементирована его «оперативная» выдержка.

Я вышла на верхнюю палубу, оставив в каюте всё, включая купальник. Официальная версия для самой себя: хочу ровный загар, без этих дурацких белых полосок, которые выдают в тебе курортницу. Реальная версия - проверка Васи на «человечность». Мне нужно было понять, робот он до мозга костей или в этом шкафу всё-таки остались живые нейроны.

Вася мазнул по мне безразличным взглядом. Даже не обернулся толком — так, глянул в полглаза, проверяя, не выпала ли я за борт. Бровью не повел.

— Ксюх, сиськи у тебя маловаты, — буркнул он, возвращаясь к приборам. — Хотя в наше время это не проблема. Пару часов под наркозом, пару мешков силикона — и будешь радовать глаз. Сейчас всё исправляется, были бы бабки.

Я только улыбнулась, жмурясь от яркого света, и устроилась на шезлонге. Кожа тут же отозвалась на ласковое тепло солнца. Сиськи как сиськи. Первый с натяжкой, если уж быть совсем точной.

Вообще, это одно из самых забавных заблуждений человечества — мол, все мужики поголовно мечтают о «пятерках», которые живут своей отдельной жизнью. Маркетинг, ничего личного. Огромные корпорации делают миллиарды на женской неуверенности, выстраивая очереди к пластическим хирургам. А на самом деле — и я это знаю по опыту, хотя мой опыт и специфичен — чертова прорва мужчин предпочитает именно маленькую грудь. Но вслух они об этом не

скажут. Надо же «держать марку» перед корешами, кивать на перекачанных девиц из инстаграма и выдавать дежурное: «О, вот это я понимаю, арбузы!». Стадный инстинкт в действии, ничего более.

На деле же большая грудь - это сомнительный подарок эволюции. Попробуй потаскай на себе две дыни, которые нельзя на ночь отстегнуть и положить в тумбочку. Спина ноет, поясницу ломит, а эстетика заканчивается годам к двадцати пяти, если повезет. Натуральная грудь большого размера под действием гравитации неизбежно превращается в то, что в народе метко называют «ушами спаниеля». Два отвисших, мягких, как вата, ведра с растяжками. Кого это может возбуждать, кроме патологоанатомов?

Если бы природа наградила меня таким «богатством», я бы первая побежала на операцию по уменьшению. Маленькая грудь - это эстетика. Это стиль. Это форма, которая почти не меняется с годами, оставаясь такой же дерзкой и аккуратной.

Но что-то меня опять потянуло на философию. Видимо, близость Нью-Йорка сказывается.

— К вечеру будем на месте, — бросил Вася, не оборачиваясь.

Тик-так. Время на разработку плана таяло быстрее, чем лед в стакане с виски. Я лежала на шезлонге, вдыхая запах соли и дорогого пластика, и понимала: у меня осталось всего несколько часов, чтобы из «имущества» превратиться в про-

блему, которую Алексу не захочется решать простым удалением.

Нью-Йорк уже ждал. Город, который никогда не спит, и в котором у меня не будет права даже на минутную дрему.

Я попыталась снова поймать ту мысль, которая вчера перед сном так игриво махала мне хвостом. Но чертова нить ускользала, как заговоренная, запутываясь в узлы.

На вопрос — зачем я ему — ответа у меня по-прежнему не было. Его мог дать только он сам. Если, конечно, соизволит. Но в мире Алекса «добрая воля» — это термин из области ненаучной фантастики. Там правят только истинные мотивы, сухие и острые, как скальпель.

— Вась, — я зашла в рубку, стараясь не смотреть на приборы, в которых всё равно ничего не понимала. — Куда меня… ну, когда приплывем? Где бросим якорь?

— Плавает, Ксюха, говно, — привычно отозвался он. — А мы идем.

— Ну а всё же? — я не отставала, прислонившись к косяку. — В какой отстойник на этот раз?

— Для начала, думаю, все в тот же дуплекс, — нехотя снизошел Вася. — В Central Park Tower. А потом… там уже как босс решит.

Понятно. От этого персонажа ничего не добьешься, у него вместо языка — устав караульной службы. Нечего было и пытаться. Я спустилась вниз, натянула шорты и футболку прямо на голое тело (загар — это хорошо, но броня из одеж-

ды сейчас казалась надежнее) и выпила еще чашечку божественного кофе.

Значит, опять тот самый дуплекс за сто пятьдесят миллионов, снова сто двадцать седьмой этаж. Ирония судьбы: я так мечтала о роскоши, а теперь эта роскошь превратится для меня в элитную камеру-одиночку перед вынесением приговора. Сомневаюсь, что мне позволят снова бегать по Центральному парку, когда вздумается.

И вот тут я наконец ухватила мысль за кончик ниточки. Клубочек начал разматываться, и то, что я там увидела, мне совсем не понравилось.

Зачем Алексу пришлось так экстренно устранять жену? Прямо сейчас, на пике карьеры, под камеры? Ведь Джулия была для него даже не вторым номером, она исполняла роль идеальной ширмы. Политический вес, статус, легализация любых безумств. Она бы «проглотила» моё появление точно так же, как глотала Эмили и всех прочих. И я уверена на двести процентов - у Алекса этих «прочих» был целый инкубатор с прицепом.

Неужели… неужели он задумал «ремастер»? Хочет заменить старую, заигравшуюся психопатку на новую, продвинутую модель… На меня?

Бред! Дичайший, лютый бред социопатки-недоучки. Ксю, ты вообще себя слышишь? Джулия — это тридцать лет в политике, связи, миллиарды и американское свидетельство о рождении. А ты? Давай честно, без реверансов перед зер-

калом. Ты – никто, ноль без палочки, пыль под колесами его «Кадиллака». Нищая эмигрантка из России. В нынешних Штатах мой российский паспорт — это даже не «черная метка», это приговор. Заменить Джулию Эшли на Ксению Волкову? Это как заменить авианосец на надувную лодку и надеяться, что никто не заметит разницы.

Мой мозг, мой хваленый аналитический аппарат, просто завис. Видимо, я еще не доросла до игр такого масштаба.

И что делать? Прирезать Васю кухонным ножом и повернуть назад в океан? Ага, конечно. Во-первых, этого кабана ножом не возьмешь — он его, небось, на завтрак вместо вилки использует. Во-вторых, я и яхта — вещи несовместимые. По роликам из Ютуба можно научиться разве что правильно завязывать морской узел, но не управлять махиной за пятьдесят миллионов баксов.

Короче, идем в Нью-Йорк. А там — будь что будет. Одно я знаю точно: убивать меня прямо сейчас он не станет. Слишком много ресурсов потрачено на «логистику». Инструмент сначала должен выполнить свою задачу.

Главное — не сломаться раньше времени.

Глава 2

Манхэттен встретил меня так, как встречает старого знакомого профессиональный киллер — сверкая холодными огнями и обещая всё, кроме безопасности.

Когда на горизонте проступило зарево «Большого Яблока», последние капли моего напускного спокойствия испарились. Предыдущие пару часов я провела, вцепившись в леера так, что пальцы заболели. Меня не покидало мерзкое, гадостное предчувствие. Что-то из разряда, когда ты вроде бы едешь на праздник, но по всем признакам это твои собственные похороны, которые просто отложили из-за какой-то технической накладки? Вроде гроб не того размера привезли или оркестр опоздал.

Вася замолчал. Совсем. Весь его казарменный юмор, сальные шуточки и режим “свой в доску - носки в полоску” как будто стерли ластиком. Он превратился в бездушный придаток к штурвалу. Робот модели «надзиратель обыкновенный», в прошивке которого функции «общение» и «человечность» были заблокированы администратором. Все мои попытки прощупать его снова, завязать хоть какой-то разговор, разбивались о стену ледяного, профессионального безразличия. Это пугало сильнее, чем его хамство. Когда хищник перестает рычать и начинает просто смотреть — значит, он приготовился к прыжку.

Швартовка прошла буднично. Пограничный контроль — еще быстрее. Мой паспорт на имя «Тани Ричардс» проглотили в прошлый раз в аэропорту, и здесь он сработал как швейцарские часы. Похоже, у Алекса в этой стране были куплены не только люди, но и сами базы данных.

Потом — всё та же BMW седьмой серии, на которой меня увозили отсюда. В салоне пахло дорогой кожей и чем-то неуловимо химическим, стерильным, как после санобработки. Вася за рулем, я на заднем сиденье. Снова здравствуйте, знакомые, практически родные улицы.

Дуплекс на сто двадцать седьмом этаже встретил меня тишиной и запахом пустого, выстуженного кондиционерами пространства. Вася всучил мне ключ-карту (старую я, кажется, посеяла где-то на Ангилье) и замер в дверях.

— Босс позвонит в ближайшее время, — бросил он, и в его голосе не было ни капли прежней узнаваемой интонации. Просто трансляция воли хозяина. — До этого никуда не выходи. В твоих же интересах.

В переводе с охранно-бюрократического на человеческий: «Стой в углу и не отсвечивай, попробуешь сбежать - из-под земли достанем». Я и не сомневалась. Если Алекс одним щелчком пальцев превращает члена Конгресса США в персонажа новостей о ДТП, то раздавить нищую эмигрантку для него — задача уровня «прихлопнуть назойливую муху». За пару сотен баксов любой торчок из Бронкса прирежет меня прямо на Таймс-сквер.

Я без сил рухнула на белоснежный диван. Манхэттен за панорамным стеклом сиял, переливался и подмигивал миллионами огней. Раньше это вызывало у меня щенячий восторг, теперь — только глухую ярость. Этот город больше не принадлежал мне даже в мечтах. Я была внутри него как инородное тело, которое организм по какой-то неведомой причине пока решил не отторгать.

В животе предательски заурчало. Голод - штука физиологическая, ему плевать на экзистенциальные кризисы. На яхте Вася кормил какой-то гадостью, от которой блевать хотелось. Видимо, насчет разносолов для меня Алекс указаний не давал – главное, чтобы с голоду не сдохла раньше времени, а остальное – мелочи жизни.

В холле я обнаружила тяжелый глянцевый буклет — меню для «небожителей» Central Park Tower. Сервис здесь был поставлен на промышленную основу. Психопаты тоже хотят кушать в три часа ночи.

Я сняла трубку стационарного телефона. — Стейк из мраморной говядины, медиум-рэр. Салат с рукколой. И литр ледяной колы.

Нужно было забросить хоть какое-то топливо в эту топку, прежде чем мозг окончательно перейдет в режим энергосбережения. Пообещали доставить через сорок минут.

Сорок минут тишины. Сорок минут ожидания звонка, который может стать либо приглашением на бал, либо последним словом в моем личном деле. Тик-так. Тик-так. Время в

Нью-Йорке стоит дорого, но сейчас оно у меня было совершенно бесплатным. И совершенно бесполезным.

Пока я ждала доставку, телефон молчал. Алекс не звонил. То ли издевался, выдерживая гроссмейстерскую паузу, то ли ему просто было не до меня — у богов свои графики, в которые мелкие бесы вроде меня вписываются только по необходимости.

Странно, но страх, который еще час назад мерзким холодком сползал по позвоночнику, куда-то испарился. На его место пришло ровное, почти зеркальное равнодушие. Покорность судьбе? Нет, это не про меня. Покорность — это для овец. А для хищника это называется «принятием правил игры». Когда ты не понимаешь, во что играешь, но понимаешь, что любой шаг в сторону означает немедленный вылет — причем вперед ногами — приходится играть по тем правилам, что есть. Разберемся по ходу дела. В конце концов, пока ты на доске, ты — часть процесса. А пока ты часть процесса, ты жива.

Звонок в дверь вырвал меня из этого сонного оцепенения. Сервис в Central Park Tower работал как швейцарские часы, смазанные кровью неповоротливого и неуклюжего персонала. Курьер — вышколенный, в идеально отутюженной форме — торжественно вкатил в холл тележку. Всё как в кино: тяжелый фарфор, серебряные приборы, блестящие стальные полусферы крышек-клоше. Я коротким жестом указала направление в столовую. Чаевые здесь давать было не принято,

и это радовало — не люблю эти ритуалы ложной благодарности. Проводив его до двери, я отправилась препарировать свой ужин.

Стейк был великолепен. Настоящий «Рибай», прожарка медиум-рэр, именно так, как я люблю — с хрустящей, чуть обугленной корочкой, под которой скрывалось нежное, истекающее розовым соком мясо. Пахло дымком, розмарином и выдержанным жиром. Первый же кусок буквально растаял на языке, отозвавшись в мозгу вспышкой эндорфинов. После той безвкусной дряни, которой меня потчевал Вася на яхте, это казалось пищей олимпийских богов.

Я запила мясо ледяной колой, чувствуя, как колючие пузырьки приятно обжигают горло. И в этот момент что-то заставило меня замереть.

На коричневой плотной салфетке, лежащей рядом с приборами, что-то было. Едва различимый текст, написанный мелким почерком. Черное на темно-коричневом — почти неразличимо, если не знать, куда смотреть. Маскировка уровня «бог».

Стараясь не менять выражения лица (мало ли, сколько камер Алекс напихал в эти стены), я накрыла салфетку ладонью. Медленно, как бы невзначай, подтянула её к себе и всмотрелась в буквы.

«Ксень, сделай мне кофе. Мы тебя вытащим. Постарайся продержаться несколько дней. Салфетку сожри незаметно».

Меня как током дернуло. Пальцы непроизвольно сжались в кулак. Семён.

Что этому ублюдку от меня нужно? Я не верила в его альтруизм ни на секунду. Такие, как он не бросаются спасать «своих» просто из чувства товарищества. Ему нужен актив. Ему нужно его «зеркало» внутри империи Эшли. Главное, чтобы его «помощь» не стала для меня билетом в один конец. Если Алекс узнает о контакте, он пустит меня в расход без малейших раздумий, как дефектную деталь.

На секунду мелькнула шальная мысль: сдать Семёна Алексу. Продемонстрировать лояльность, заработать очки доверия, стать «честным» инструментом... Но я тут же её отбросила. Козырь в рукаве лишним не бывает. В этой мутной воде лучше иметь два варианта смерти, чем один.

В том, что это весточка именно от него, сомнений не было. Фразу-триггер про кофе знали только двое.

Я скомкала салфетку в кулаке, чувствуя её жесткую текстуру. Пошла в ванную, включила воду и сделала вид, что увлеченно чищу зубы после жирного ужина. Улучив момент, когда мое лицо было скрыто от возможного обзора зеркалом, я засунула бумажный комок в рот.

Гадость. Вкус целлюлозы и типографской краски. Сухая бумага царапала горло, отказываясь проходить в пищевод. Пришлось сделать усилие, проталкивая улику внутрь.

Всё. Улика уничтожена. Мосты сожжены, а новые — еще даже не построены. Игра продолжается. И ставки в ней толь-

ко что выросли до небес.

Алекс так и не созвонился со мной лично. Видимо, личное общение с «инструментарием» в его плотном графике стояло где-то между визитом к дантисту и игрой в гольф с кем-нибудь из сенаторов.

Всё произошло буднично и по-хамски. Дверь просто открылась — Вася даже не потрудился изобразить вежливость, открыв замок своей картой. Это был такой тонкий, едва уловимый щелчок по носу: мол, не забывай, Ксюша, кто тут хозяин, а кто — инвентарный номер на балансе. Я даже не стала огрызаться. Глупо тратить драгоценную энергию на сотрясание воздуха, когда ты находишься в положении комнатной собачки, которой разрешили пожить в пентхаусе. Лень было даже бровью повести.

Вася оглядел моё безразличное лицо, хмыкнул и кивнул на выход.

— Собирайся, принцесса. Пора.

Я молча подхватила сумочку и вышла вслед за ним. «Семерка» BMW ждала на подземном паркинге, поблескивая отполированным боком, как сытый дельфин.

Ехали мы долго. Если Манхэттен — это сверкающая витрина мира, то путь из него на восток — это вскрытие брюшной полости огромного зверя. Сначала мы нырнули в тоннель Мидтаун, где пахло гарью и старым бетоном. Я честно пыталась выпытать у Васи, куда нас несет, но он работал в режиме радиомолчания. Отшучивался какими-то плоскими

прибаутками про «путешествие к центру земли», пока я, видимо, не проела ему плешь окончательно.

— Ист-Хэмптон, — буркнул он, когда мы уже миновали бесконечные развязки.

Ого! Про это место я слышала даже в России. Ист-Хэмптон — это не просто география, это диагноз. Район, где плотность миллионеров на квадратный ярд превышает все разумные пределы. Значит, Алекс везет меня к себе домой?

Довольно нагло с его стороны. Притащить восемнадцатилетнюю русскую девчонку в свой особняк сразу после похорон жены — это надо иметь либо стальные нервы, либо полное отсутствие тормозов. Хотя… я уже начала понимать, что Алекс в принципе не знаком с концепцией страха. Эта функция у него атрофировалась вместе с совестью. Они там, в его голове, видимо, в одной палате лежат, накрытые простыней.

Я прильнула к стеклу. Сначала за окном мелькали привычные сталь и стекло Манхэттена, которые быстро сменились кирпичным однообразием Квинса. Пейзажик там так себе: склады, прачечные, запах дешевого фастфуда и бесконечная стройка. Но постепенно город начал сдаваться.

Плавно, как в замедленной съемке, Нью-Йорк перетек в пейзажи Лонг-Айленда. Сначала — бесконечные ряды типовых домиков с одинаковыми лужайками, потом — всё более густые леса, сквозь которые начали проглядывать крыши поместий. Воздух стал другим — тяжелым, соленым, пахнущим океаном и очень большими деньгами.

Наконец, мы свернули на узкую дорогу, зажатую между живыми изгородями высотой в два человеческих роста. Кованые ворота разошлись перед нами бесшумно, и машина покатилась по гравию.

Усадьба Алекса была похожа на архитектурный каприз безумного перфекциониста. Белоснежный фасад, выстроенный буквой «П» — или «U», если вам так больше нравится. Огромное основное здание с кучей крыльев, уходящих вглубь идеально подстриженного газона. В центре этого архитектурного каре поблескивало прямоугольное зеркало бассейна — синее, нереально яркое на фоне изумрудной травы. Чуть в стороне виднелись теннисные корты и гостевые домики, утопающие в тени вековых деревьев.

Всё это выглядело настолько дорого и безупречно, что хотелось немедленно чем-нибудь в это швырнуть. Просто чтобы нарушить эту стерильную гармонию.

Машина мягко затормозила у парадного входа. Это была роскошь высшей пробы — тихая, уверенная и абсолютно беспощадная.

— Приехали, — буркнул Вася, глуша двигатель. — Иди, Ксюха. Босс ждет внутри. И постарайся ничего не разбить — тут каждая ваза стоит как твой родной город.

Я вышла из машины, вдыхая густой, влажный воздух океана, который чувствовался где-то совсем рядом. Уже рассвело, солнце заливало усадьбу золотисто-розовым светом и на секунду мне показалось, что я действительно попала в сказ-

ку.

Жаль только, что в этой сказке я была не принцессой, а наживкой на золотом крючке.

Ну вот он, момент истины. Тот самый «фифти-фифти», когда ты либо выходишь из зала на белом коне, либо тебя выносят в нескольких черных мешках для мусора. Шансы соскочить (если они вообще были) я благополучно профукала еще на этапе посадки в самолет, так что теперь оставалось только одно: идти на свидание с акулой. А чем обычно заканчиваются свидания с акулами, мы все знаем из документалок про дикую природу. Ничем хорошим для того, кто помельче.

Я прошла внутрь. Шикарно — не то слово. Если в дуплексе на Манхэттене всё было хоть и дорого, но по-современному функционально, то здесь… Ну, с чем сравнить? С Эрмитажем, где я один раз в жизни была на школьной экскурсии и запомнила только, что у меня дико болели ноги и хотелось есть? С Лувром, где я не была вовсе, но, подозреваю, по уровню пафоса на квадратный метр это поместье их обставляло? Не знаю. Мне вообще не с чем было сравнивать такой уровень роскоши. Здесь даже воздух казался каким-то особенным, отфильтрованным через счета с пятью нулями.

Алекс встретил меня почти на пороге с радушной улыбкой доброго дедушки, к которому наконец-то приехала на каникулы любимая внучка.

— Ксения! — воскликнул он, и я отметила, что мое имя он произнес идеально, без этого дурацкого американского

«Зиния». Значит, может, собака, когда хочет, хотя он уже и на яхте мне это продемонстрировал. — Как я рад, что ты всё же решила навестить старика!

«Навестить». Издевается, сука. У них это теперь так называется — «навестить». Спасибо, что без мешка на голове и наручников, дедуля. Я молчала, решив, что любая реплика сейчас будет либо глупой, либо опасной. А Алекс тем временем заливался соловьем, виртуозно вживаясь в роль хлебосольного хозяина.

Он устроил мне целую лекцию об истории этого поместья, тыкал чуть ли не в каждую картину на стенах, сыпал именами, от которых у нормального искусствоведа случился бы оргазм, а у меня — только приступ мигрени.

— Посмотри на этого Босха, Ксения, — он замер перед небольшим полотном. — Оригинал. Видишь эти детали? В пятнадцатом веке люди знали о тьме внутри нас гораздо больше, чем сейчас со всей нашей психологией. Они не боялись смотреть в бездну. Это поместье — не просто дом, это манифест. Здесь каждая вещь — это победа воли над хаосом. Я собирал это годами, искал тени прошлого, чтобы понять, как строить будущее. Искусство — это ведь тоже инструмент, Ксения. Самый тонкий и самый беспощадный. Ты согласна?

Я кивнула, хотя единственное, на что я была согласна в тот момент — это поскорее закончить этот культпоход. Понтярщик хренов. Зубы заговаривает, как заправский гипнотизер,

надеясь, что я расслаблюсь от всей этой коллекции мирового наследия.

Наконец мы прошли в кабинет невероятных размеров. Посреди него возвышался массивный деревянный стол, за которым можно было свободно играть в футбол или кататься на велосипеде, не задевая краев.

Алекс кивнул мне на кресло. Оно было больше похоже на трон, причем явно не из скромного музея. Тяжелое, обитое тисненой кожей, оно как будто обнимало меня, напоминая о том, какая я маленькая в этом огромном, холодном мире.

Сам же хозяин дома (и мой персональный кукловод) угнездился за столом, не переставая улыбаться своей змеиной улыбкой. Наконец он замолчал, и улыбка медленно, как тающий лед, сползла с его лица. Слава богу, шоу закончилось.

— Ксения, — заговорил он, и его голос стал сухим, как шелест старой бумаги. — У тебя, наверное, накопилось много вопросов.

Спасибо, Капитан Очевидность, ты просто гений проницательности.

— Я думаю, пришло время перестать ходить вокруг да около и посвятить тебя в мои планы относительно твоей персоны.

Я молча кивнула. Говорить что-то сейчас было не просто неуместно, а смертельно опасно. Алекс прищурился, впиваясь взглядом мне прямо в мозг, так что я непроизвольно по-

крылась мурашками. Он сделал паузу, выдерживая театральное напряжение, и я поняла: сейчас мне наконец-то объяснят, зачем молотку поручили построить собор.

Он заговорил. Медленно, веско, чеканя каждое слово, словно вбивал золотые гвозди в крышку моего будущего гроба. Взгляд его был неподвижным, тяжелым — так смотрит удав на кролика, который уже перестал дергаться и просто ждет финала.

— Ксения, во-первых, я хотел бы…

И тут в моей голове что-то коротнуло. Видимо, сработал предохранитель. Перед глазами, перекрывая пафосную физиономию миллиардера, внезапно всплыла картинка из старого советского мультика про Маугли. Та самая рожа Каа, гипнотизирующая обезьян: «Ближе, ближе, бандерлоги…».

Это было так нелепо, так неуместно в этом тронном зале среди подлинников Босха, что страх просто лопнул, как перекачанный воздушный шарик. Я не удержалась и прыснула.

Алекс запнулся на полуслове. Он буквально захлопнул варежку, и на его лице — впервые за всё время — я увидела не маску, а настоящие человеческие эмоции: сначала полное непонимание, потом искреннее удивление и, наконец, какой-то охотничий интерес.

— Простите, Алекс, — выдавила я, чувствуя, как по щекам катятся слезы. — Я… я не хотела…

Но меня уже несло. Это был не просто смех, а скорее полноценный нервный срыв, замаскированный под истерику. Я

заржала в голос, до колик в животе, до хрипа. Всё напряжение последних дней — яхта, Вася, стейк с запиской, смерть Джулии — всё это вылетало из меня вместе с этим безумным, совершенно неуместным в текущей ситуации смехом.

Алекс несколько секунд смотрел на меня так, словно у меня на лбу внезапно вырос третий глаз. А потом… он тоже рассмеялся. Негромко, сухо, но вполне искренне.

Он легко поднялся со своего «трона», подошел ко мне и, совершенно по-отечески, погладил по голове сухой и немного прохладной рукой.

— Ксения, извини… — Он покачал головой. — Я, кажется, перегнул. Слишком много пафоса, перестарался с ролью каноничного киношного злодея. Пойдем в гостиную, поговорим нормально, без всей этой музейной шелухи.

Мы перешли в другое помещение. Гостиная по размеру была больше всей нашей пензенской хрущевки — не квартиры, нет, а всего пятиэтажного здания вместе с подвалом и чердаком. Потолки уходили в бесконечность, а окна в пол открывали вид на подстриженные газоны, залитые рассветным солнцем.

Алекс усадил меня на монументальный диван с золочеными подлокотниками — и, судя по весу и холоду металла, это была не позолота. Он присел рядом, приобнял меня за плечи. Идиллия, честное слово. Любящий дедушка утешает внучку после страшного сна.

Смех ушел, оставив после себя пустоту и мерзкую, рит-

мичную икоту. И-ик… И-ик…

Алекс, не глядя, нажал кнопку на небольшом брелоке. И тут я по-настоящему вздрогнула. В комнате буквально материализовалась девушка в униформе горничной. Я клянусь — я не слышала ни скрипа двери, ни шагов по ковру. Она просто возникла из воздуха в двух метрах от нас, как баг в компьютерной игре. Очень красивая, лет двадцати, может чуть больше, с идеально симметричным лицом и абсолютно пустыми глазами.

— Принесите воды для юной леди, — бросил Алекс, даже не оборачиваясь.

Служанка исчезла так же мгновенно и бесшумно. Я проводила глазами пустое место, где она только что стояла, и икнула еще раз. В этом доме даже законы физики, кажется, работали по особому прейскуранту.

— Ну вот, — Алекс мягко сжал мое плечо. — Сейчас попьешь, успокоишься, и мы обсудим, зачем ты на самом деле мне нужна.

Глава 3

Безымянная служанка возникла в гостиной так же бесшумно, как и исчезла. В руках она держала стакан из тяжелого хрусталя, по стенкам которого стекали капли ледяного конденсата. Я жадно выпила воду, чувствуя, как она смывает бумажную горечь в горле и, наконец, выключает эту чертову икоту.

Алекс дождался, пока я поставлю стакан на столик, и продолжил. Его голос теперь звучал мягко, почти интимно, но в нём всё равно чувствовалась сталь.

— Знаешь, в чем преимущество таких, как мы, перед остальным миром? — спросил он. Вопрос был риторическим, из тех, что не требуют ответа, а служат лишь дорожным указателем. Но я всё равно кивнула.

Он будто и не заметил моего жеста, глядя куда-то сквозь меня, в сторону залитого солнцем газона.

— Люди считают нас ущербными, — заговорил он, мерно расхаживая по гостиной. — Сломанными, бракованными, злыми… Терминов много, суть одна. Они нас не понимают. А большинство людей боятся того, чего не понимают. Это базовый инстинкт. Им проще уничтожить «баг» в системе, избавив себя от страха, потому что страха люди тоже боятся, как бы парадоксально это ни звучало. Страх страха — самая смешная штука на свете.

Я слушала, затаив дыхание. Это было странное чувство: будто я смотрю в зеркало, которое внезапно заговорило моим же собственным внутренним голосом.

— Да, это можно назвать ошибкой природы, — продолжал Алекс. — Наказанием за грехи, сбоем в генетическом коде. Но я предпочитаю термин «свобода». Или следующая ступень эволюции. Ведь что такое эволюция в своей основе? Это мутация. Появление особи, которая отличается от основной массы себе подобных. Бывают мутации тупиковые — они ведут к слабости, к нежизнеспособности. В дикой природе такие особи не выживают. Но человечество придумало «костыли». Социальные конструкции, мораль, пособия, гуманизм… Мы поддерживаем тех, кто по законам природы должен был исчезнуть. И мы с тобой, Ксения, люди умные, мы понимаем, к чему ведут эти костыли. К вырождению вида.

Он резко остановился и посмотрел на меня.

— К вырождению. Постепенному, сначала мягкому, а потом всё более агрессивному. Когда масса нежизнеспособных особей достигает критической точки, «нормальное» большинство становится меньшинством, которое уже не в состоянии прокормить и тянуть эту бесполезную гору мяса. Вырождение — это гибель. Мы же этого не хотим? Конечно, нет. Сейчас в Европе или тех же Штатах пытаются играть в эвтаназию и прочие «мягкие» способы коррекции, но момент безнадежно упущен. Метастазы зашли слишком глубо-

ко.

Он снова зашагал, и я почувствовала, как от его слов в комнате как будто стало холоднее, несмотря на солнце за окном.

— Но есть мутации другого рода. Те, что создают более сильных и здоровых особей. Естественный отбор в чистом виде. Те, кому чужды слабости стада: эмпатия, любовь, сострадание, жалость, привязанность, вот эта вся шелуха. У таких, как мы, нет тех гирь на ногах, которые тянут остальную биомассу на дно. Мы рациональны. Мы чистый функционал. Мы не убиваем ради удовольствия, не страдаем от ревности, не грызем себя из-за ерунды и не испытываем муки любви. Мы — незамутненный разум. В чём-то мы сродни искусственному интеллекту, но с одной важной поправкой: мы пассионарны. Мы креативны. Мы умеем творить, а не только копировать созданное кем-то ранее. Поэтому за нами будущее. Только такие, как мы, способны отменить или хотя бы отсрочить финал этой вечеринки под названием «человечество», который, увы, но уже маячит на горизонте.

Я сидела, боясь даже пискнуть. Он озвучивал мои собственные мысли. Те самые, которые я раньше не смела высказать вслух, считая себя единственным (ну, или одним из немногих) «сбоем в матрице». Значит, я не одна. Есть кто-то, кто видит изнанку реальности так же отчетливо. Может, в этом и был секрет? Почему я до сих пор жива? Почему он выбрал именно меня? Может, остальные его «кандидат-

ки» были просто тупыми психопатками, искавшими дорогих шмоток и власти, но не видевшими скрытого смысла? Не видевшими великую Цель?

Алекс заметил, как изменилось моё лицо. Он усмехнулся.

— Что? В точку попал? Извини за пафос, Ксения. Приходится заходить издалека, чтобы ты понимала контекст. Чтобы ты понимала, к чему я веду.

— Н-нет, всё в порядке… — я наконец обрела голос, хотя он и прозвучал довольно жалко. — Я и сама об этом много думала…

— Именно поэтому ты сейчас сидишь здесь, — довольно грубо перебил он, — а не на дне Гудзона в бетонных туфельках.

Я моментально заткнулась. «Добрый дедушка» исчез, оставив вместо себя холодного прагматика. Пусть выговаривается. В этой игре лучше слушать, чем подавать голос невпопад.

Алекс продолжал говорить. Его голос, теперь ровный и обволакивающий, заполнял пространство гостиной, как инертный газ, вытесняющий кислород.

— Какую основную ценность обычно декларирует это стадо, которое принято называть «нормальными людьми»? — Он усмехнулся, и в этой усмешке было больше пренебрежения, чем в целой лекции антрополога-мизантропа. — Правильно. Свобода. Красивое слово, Ксения. Звонкое. Только вот что это такое — свобода? Свобода от чего или от кого?

И, главное, для чего? Свободы в чистом виде не существует, это математическая абстракция. Как абсолютный ноль или идеальный вакуум. Свобода – это анархия.

Он поднялся и подошел к окну, за которым рассветное солнце окрашивало небо в розовый цвет.

— Испокон веков мир держался на законах, правилах и насилии. Только это позволяло держать тупое, злобное стадо в узде. Страх — вот основной мотиватор. Единственный честный двигатель прогресса. Страх того, что если ты нарушишь закон, каким бы идиотским он ни выглядел, ты будешь наказан. Только это и удерживает мир от окончательного саморазрушения. Давай пофантазируем: что будет, если им вдруг дадут эту самую свободу, которую они превозносят до небес? Всё, нет полиции, нет армии, нет судов. Делай что хочешь, человек. Вот она, твоя мечта. Сбылась.

Алекс обернулся ко мне, и в его глазах блеснул недобрый огонек.

— Знаешь, что будет? Свобода грабить, свобода убивать и насиловать. За считанные дни беснующаяся толпа превратит мир в гигантскую скотобойню. Уничтожит всё, что создавалось тысячелетиями. А всех, кто с ними не согласен, развесят на фонарных столбах. И это — в их природе. Природе тех самых эмоциональных, чувствительных, полных сострадания существ. У которых, видишь ли, «богатый спектр чувств». Не дай бог оказаться на пути этой толпы «свободных» людей.

Я молчала. Слова сейчас были лишними. Все совпадало с моими собственными взглядами на мир, на этих «нормальных», которые всегда казались мне неисправными механизмами. Но к чему он ведет? Какая цель?

— Возьми любого среднестатистического «героя нашего времени». Примерный семьянин, любит жену, обожает сына, каждое утро чешет за ухом любимого лабрадора. Что совершенно не мешает ему по выходным ездить с друзьями на охоту и стрелять ради развлечения всякую живность, которая, в отличие от его собачки, не заслуживает права на жизнь. А позже, узнав, что его сын выбрал «неправильную», по его мнению, ориентацию, он, не моргнув глазом, вышвырнет его из дома без гроша. Потому что тот нарушил его личный «моральный» кодекс.

А, например, застав жену с любовником, этот «гуманист» хладнокровно убивает обоих из того же ружья. Хотя его жена - не его собственность, она вроде как свободный человек и имеет право полюбить другого. Вот цена их свободы.

А мать, которая до последнего будет отмазывать сыночка-насильника. Ведь он «просто запутался», а те девчонки в коротких юбках сами виноваты. Он же её кровь, её частичка, а на остальных ей плевать.

Еще примеры нужны? О какой свободе для этой биомассы вообще может идти речь?

Я продолжала молчать, глядя в его немигающие глаза. Всё так. Каждое слово ложилось в мою картину мира, как деталь в пазл. Но я понимала: это была только вводная часть. Прелюдия перед основным актом. Алекс заманивал меня в свою реальность, показывая, что мы — одной крови. Что он понимает меня так, как не понимал никто.

И это было самым опасным. Когда хищник начинает объяснять другому хищнику устройство мира, значит, он готовит его к совместной охоте. Вопрос только — кто в этой охоте будет загонщиком, а кто — настоящим убийцей.

— Нас мало, Ксения, — резко, без всякого перехода, переключился Алекс. — Эволюция – она, конечно, штука хорошая, но она не успевает. Проигрывает гонку. Естественный отбор больше не работает, человек сам его придушил. Таких, как мы - единицы, и мы не можем быть везде и сразу. А особей с изнанки эволюции - миллионы, и их количество растет с каждым днем, как плесень в сыром подвале.

Он остановился напротив меня. Посмотрел прямо в глаза пустым, холодным взглядом.

— Я стар, Ксения. Твое тело меня не интересует — думаю, ты и сама уже об этом догадалась. Одержимость сексом, всеми этими животными удовольствиями — это для «них», для биомассы. У нас другие драйверы. Детей у меня нет, а если бы и были — какой шанс, что они не оказались бы обычным генетическим мусором? Небольшой. Но у меня есть цель. Вернее, у нас. Нас мало, но здесь важно качество, а не коли-

чество.

Я слушала, чувствуя, как внутри всё начинает медленно осыпаться.

— Ты уже, наверное, поняла, что я искал того, кому смогу передать дело всей жизни. Того, кто подхватит эстафету и не просрет всё в первый же год. Я — последний в нашей группе, кто остался без преемника. Чрезмерно завышенные требования, знаешь ли… Другие были скромнее, но я не уверен, что их кандидаты не приведут всё к краху. А ты…

Он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала холод, исходящий от его кожи.

— В тебе есть то же, что есть у меня. Одна маленькая, крохотная деталь, которая перевешивает всё остальное. Она делает тебя уникальной. Именно поэтому я искал тебя так долго. Больше двадцати лет. Что это за деталь — тебе знать рано. Узнаешь, когда придет время.

Мне казалось, что я сплю. Какой-то абсурдный, вязкий сон, где логика вышла покурить и не вернулась. Я — нищая русская сирота. Восемнадцатилетняя сопливая девчонка с багажом из трупов и фальшивых масок. И он хочет… что? Передать мне свою империю? За что? За какие заслуги? Я никто. Пыль под ногами. И что он потребует взамен? Я слишком хорошо знала правила этого мира: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, причем мышеловка обычно захлопывается вместе с твоим черепом.

У меня закружилась голова. Была бы я из «нормальных»,

из этих эмоционально нестабильных дур, я бы уже валялась в глубоком обмороке. Но я была иной породы. Мой внутренний механизм просто выдал сообщение о критической ошибке и завис.

Алекс взял паузу. Он сделал несколько шагов по комнате, глядя куда-то поверх моей головы, в пространство, где он, видимо, уже видел контуры моего будущего. И в этот момент я решилась подать голос.

— Алекс… я не понимаю. Что? Что мне нужно делать? Чего вы от меня ждете? А если я… если я не справлюсь?

Алекс улыбнулся. На этот раз улыбка была почти искренней, как у хирурга перед ампутацией.

— У тебя нет опции «не справиться», Ксения. Это не обсуждается. А что до моих ожиданий… пока будешь учиться. Входить в круг. Изображать мою дочь, которую я когда-то очень давно спрятал в далекой, холодной России, спасая от смертельной опасности. Кому надо — те поверят. А кто не поверит… это будут их личные проблемы. Недолговечные проблемы.

— К-как дочь? — проблеяла я. — Вы серьезно?

— Ты считаешь меня шутником? — его голос мгновенно заледенел. — У меня есть некое извращенное чувство юмора, Ксения, но ему нет места в делах такого масштаба. Я не предлагаю тебе варианты. Я не спрашиваю твоего мнения. Ты уже в игре. На сегодня хватит — иди отдыхай, переваривай. Завтра продолжим.

Он замолчал, глядя на меня с каким-то странным удовлетворением.

— И да… привыкай. С сегодняшнего дня тебя зовут Синтия Эшли.

Он снова нажал кнопку на брелоке. Когда из воздуха опять возникла та самая горничная, я даже не вздрогнула. После «Синтии Эшли» меня не удивил бы и прилет инопланетян в гостиную. Я едва держалась на ногах, ковер под туфлями казался зыбучим песком.

— Дженни, проводи мисс Синтию в её комнату, — бросил Алекс.

Горничная молча кивнула. Её рука — холодная и сильная — мягко, но властно легла на мою ладонь. Она повела меня прочь из гостиной, и я поплелась за ней, как зомби. Голова была абсолютно пустой, силы покинули тело, оставив только гул в ушах. Тот самый гул, который преследовал меня с первого дня в Нью-Йорке. Только теперь это был гул закрывающейся за моей спиной ловушки. Золотой, огромной и абсолютно надежной.

Дженни проводила меня в спальню. Здесь было всё, что полагается иметь в комнате за несколько миллионов долларов: антикварная мебель, панорамные окна и кровать с балдахином, размером с поле для мини-гольфа. Служанка помогла мне раздеться — я была в таком состоянии, что даже пуговицу расстегнуть казалось подвигом Геракла. Она уложила меня на простыни из египетского хлопка, которые хо-

лодили кожу, как чешуя змеи, и я отключилась мгновенно.

Говорят, «едва коснулась головой подушки», это избитый штамп, но в тот раз так оно и было. Мозг просто нажал на кнопку экстренного выключения питания.

Снилось мне… ровным счетом ничего. Никаких кошмаров, никаких горящих матерей или акульих улыбок. Чистая черная пустота. Я просто выключилась, а потом, через мгновение, включилась обратно. По тому, как солнечные лучи под острым углом резали тяжелые портьеры, я поняла, что проспала до вечера. За окном уже догорал закат, окрашивая комнату в тревожные багровые тона.

Вставать не хотелось. Я лежала, глядя в балдахин, и чувствовала себя персонажем из старой сказки, которую переписал Стивен Кинг. Нужно было на свежую голову проанализировать мой новый, крайне незавидный статус.

Я — Ксения Волкова. Социопатка, манипулятор, хищник-самоучка. И вот уже почти три недели я выступаю исключительно в роли барана, которого ведут на веревочке. Или марионетки на ниточках — кому как больше нравится. Мне, честно говоря, не нравилось ни то, ни другое. Я не решала вообще ничего. Вся моя независимость, которой я так гордилась, испарилась, как лужа на солнце.

Сначала мной управлял Семён-Марвин, теперь — Алекс. Смена кукловода прошла успешно, а вот роль куклы осталась прежней. Альтернатива всегда была одна — смерть, а я слишком любила жизнь, даже такую паршивую, чтобы выби-

рать этот выход. Но любая проблема имеет решение, кроме той, что вбита в крышку гроба. Значит, я пока подергаюсь. Поищу щели в этом монолите.

Алекс не дал мне ни выбора, ни времени на «подумать». Ни-че-го. Просто поставил перед фактом. «Я тебя искал, я тебя нашел, теперь ты делаешь то, что нужно мне». И вишенка на торте — моё новое имя. Синтия Эшли.

Синтия... Звучит как название элитного сорта гербицидов или марка дорогой косметики, от которой на коже выступает сыпь. Вроде бы на первый взгляд — сказка. Роскошная жизнь, миллиардные состояния, «высший свет», куда меня будут «вводить». Слово-то какое паршивое - «вводить». В Нью-Йорке обычно вводят либо смертельную инъекцию, либо что-то еще более неприятное.

Я окончательно и бесповоротно стала инструментом. Я больше не делала то, что нужно мне. Только то, что нужно Алексу или его загадочным «друзьям». И над головой теперь вечно будет висеть дамоклов меч их ожиданий. Как я только что узнала, опции «не справиться» у меня просто нет. Это тюрьма, Ксюша. Роскошная, пятизвездочная, с видом на океан, но тюрьма с пожизненным сроком и без права на УДО.

Алекс, конечно, психопат, но психопат идейный. В отличие от меня. Я-то никогда не считала цинизм смыслом жизни, для меня это был просто способ не сдохнуть с голоду. Нет ничего хуже (или лучше, тут как посмотреть) идейного психопата. Именно такие люди всегда вертели Землю, дви-

гали прогресс и перекраивали карты мира. Потому что они фанатики. Они живут ради Идеи, и ради неё не поступятся ничем. Моральные ограничения у них отсутствуют как класс — в их инструментарии просто нет такой детали. Мне ли не знать. Они точно знают, как должен быть устроен этот мир и что нужно «стаду».

И теперь я работаю на эту Идею — хочу я этого или нет. Молоток не спрашивают, нравится ли ему забивать гвозди. Его просто берут за рукоятку и бьют им по гвоздю.

Выходить из безвыходных ситуаций — это, кажется, уже стало моей профессиональной деформацией. В тот момент, когда я прикидывала, сколько слоев защиты мне придется взломать в этом доме, бесшумно (как она это делает? у неё вместо ног магнитная подушка?) появилась Дженни.

— Мисс Синтия, — голос тихий, как шелест бумаги, — мистер Эшли приглашает вас на ужин. Вам помочь одеться?

— Сама справлюсь, — пробормотала я, сползая с кровати.

Но тут же наткнулась взглядом на свою кучу тряпья, брошенную на кресле, и поняла, что «справиться» будет сложно. Из одежды у меня были только те шмотки, в которых я драпала с яхты - джинсовые шорты с живописной бахромой и светло-розовая футболка. На груди красовалась вызывающая надпись: «R U still alive, motherfucker?». По нынешним меркам — крик души, но для ужина в Ист-Хэмптоне...

Впрочем, мне было глубоко плевать. Пусть терпят. Но Дженни, проследив за моим взглядом, только едва заметно

покачала головой.

— Я принесу вам платье, мисс, — сказала она и неслышно растворилась в воздухе.

Этикет, чтоб его. Привыкай, Ксюха, — сказала я себе вслух. Вернее, Синтия. Главное — не запутаться в показаниях.

Дженни вернулась через пару минут. В руках она несла бирюзовое облако — вечернее платье, на вид стоившее больше, чем весь годовой бюджет средней школы в Пензе. К нему прилагались туфли на среднем каблуке и длинный бархатный футляр.

Я натянула на себя этот шелк, чувствуя, как он холодит кожу. Дженни щелкнула замком футляра. Внутри, на черном бархате, лежало колье. Бриллианты в нем были такими крупными, что мне стало физически не по себе. Я даже представить не могла, сколько эта штука стоит. Столько денег просто не бывает в одном изделии.

Служанка застегнула замок на моей шее. Холод металла обжег кожу.

Ну вот, мрачно подумала я, глядя в зеркало. Наручник он мне уже дарил, теперь очередь ошейника. Богатые люди обожают покупать своим собачкам ошейники с брюликами. А чем я хуже?

— Нет, Малыш, я же лучше собаки, — пробормотала я голосом Карлсона из мультика.

Дженни замерла, недоуменно уставившись на меня. В её

стерильном мире шведские привидения с мотором явно не значились. Тем более, что сказала я это по-русски.

— Не волнуйся, Дженни, — успокоила я её, — это просто русский фольклор.

До столовой меня конвоировала всё та же Дженни. Алекс уже ждал за столом. Увидев меня, он притворно всплеснул руками, изображая восторг, и рассыпался в таких приторных комплиментах, что у меня во рту стало горько. Сволочь. Актер больших и малых академических театров. Чтоб ты сдох от собственного пафоса.

Я присела напротив, надеясь просто пожрать. Организм требовал калорий, а не светских бесед. Но тут начался настоящий ад. Вместо того чтобы дать мне спокойно закинуть топливо в котел, Алекс взялся за моё воспитание.

Раньше я наивно полагала, что умею вести себя за столом. Ну, бывала же много раз в ресторанах с разными «персонажами», вилка в левой, нож в правой — я считала себя вполне приличным экземпляром. Оказалось, что на уровне Мухосранска (то есть Москвы) я еще куда ни шло, но к высшему свету Нью-Йорка меня нельзя подпускать даже на пушечный выстрел. Иначе я «обосрусь» (термин мой, Алекс выражался изящнее) перед уважаемыми людьми.

«Дочь» самого Алекса Эшли, «Великого и Ужасного», не может жрать как свинья из колхоза «Красно Дышло».

— Синтия (он теперь звал меня исключительно Синтия, чтоб привыкла, наверное), локоть, — мягко, но невыносимо

часто повторял он. — Нож не должен касаться тарелки с таким звуком. Ты не пилишь дрова. Ты препарируешь спаржу. Спаржу, Синтия, не атакуют, её... уговаривают.

Мне даже стало интересно: как я, черт возьми, собиралась штурмовать это общество самостоятельно? Ну, посмотрела бы я пару роликов на Ютубе под названием «Как влезть со свиным рылом в калашный ряд», почитала бы книжку про этикет для чайников... Думаю, меня раскусили бы на первой же оливке.

Из уроков, которые он мне вдалбливал три часа подряд, я не запомнила почти ничего. Но терпения Алексу было не занимать. Он мучил меня долго, методично ломая мои привычки, пока наконец не сменил гнев на милость.

— На сегодня хватит, — заключил он, промокнув губы салфеткой. — Можешь погулять в саду. Воздух здесь целебный, морской.

Одна? Ну, почти. Тенью за мной следовала Дженни. Теперь она работала моим персональным «внешним диском», хранящим инструкции и оберегающим мою тушку от любых необдуманных действий. Кстати, проверять её на прочность мне почему-то совсем не хотелось. У меня было стойкое подозрение: если выставить Дженни против Васи в спарринге, я бы не рискнула ставить на шкафообразного водителя. В этой хрупкой кукле чувствовалась смертоносная мощь.

Сад пах ночными цветами с примесью йода с моря. Я шла по гравию, бирюзовый шелк шуршал в такт шагам, а на шее

тяжелым грузом покоился бриллиантовый «ошейник».

Добро пожаловать в семью, Синтия, мать твою так...

Глава 4

Ночь в Ист-Хэмптоне была густой и тяжелой, как дорогой бархат. Я пыталась нащупать в этом пространстве хоть что-то живое, но натыкалась только на Дженни.

Дженни оказалась персонажем крайне специфическим. Если Вася был «шкафом с двойным дном», то эта девица — скорее продвинутым андроидом последней модели. Угрюмая, неразговорчивая, знающая своё место так хорошо, как будто её в это место впаяли на заводе-изготовителе. На все мои попытки выудить хоть каплю информации она выдавала стандартный набор системных звуков: «да, мисс», «нет, мисс», «мистер Эшли объяснит».

Сука, если вкратце. Очередной функциональный фасад, только с симпатичной мордашкой. Вася, при всей его казарменной грации, хотя бы пытался шутить. Он казался живым, от него пахло потом и табаком. А от Дженни пахло только стерильностью и чем-то неуловимо химическим, как от новой кожаной обивки в салоне авто.

Прогулка не задалась. Трудно наслаждаться ароматом ночных цветов, когда у тебя в лопатках постоянно зудит от чужого, сканирующего взгляда. Это было похоже на прогулку по тюремному дворику, где вместо вышки с часовым — безупречно подстриженная живая изгородь и бесшумная тень за спиной. Я плюнула на эстетику и велела этой сучке

вести меня в спальню.

В спальне ритуал «оживления куклы» продолжился. Дженни помогла мне выбраться из бирюзового плена — сама бы я в этих хитросплетениях молний и крючков запуталась до утра. Она уложила меня в постель, расправила простыни и замерла в углу.

Господи, как же быстро мне опостылела эта «дольче вита». Всего за один день. Я внезапно поймала себя на том, что тоскую по своей халупе в Ньюарке. Вспоминала жирного Родриго, вечный шум самолетов и запах дешевой китайской лапши. Там я была Ксенией — злой, голодной, но настоящей. А здесь я превратилась в коллекционную Барби, которую достают из коробки только для того, чтобы посадить за стол в правильной позе.

Дверь открылась без стука. В комнату вошел Алекс. Я невольно подобралась под одеялом. Ну вот, началось. «Тело меня не интересует», ага, как же. Все вы, старые козлы, поете одну и ту же песню, пока не доходит до дела. Я приготовилась имитировать что угодно — от восторга до смирения, — но Алекс снова переиграл мои ожидания.

Он подошел к кровати, но не сел. Просто замер рядом, глядя на меня сверху вниз — сухо, оценивающе, как смотрят на график биржевых котировок.

— Синтия, — произнес он, и я почувствовала, как меня передернуло от этого имени. — Завтра утром мы едем в город. Я представлю тебя своим… коллегам. Все необходимые

инструкции получишь за завтраком и по дороге. Выспись. Это будет тяжелый день. Одежду подготовит Дженни.

Он развернулся и вышел, даже не пожелав мне спокойной ночи. Сволочь. Даже формальную вежливость решил не расходовать на «инструмент».

Я осталась лежать в темноте, слушая тишину этого огромного дома. Надо выбираться. Эта золотая клетка сожрет меня быстрее, чем Максименко в Москве. Быть куклой — это противно самой моей природе, моему «Homo Mechanicus», который привык сам нажимать на кнопки, а не быть кнопкой под чужим пальцем.

Надо еще раз прокрутить в голове предложение Семёна. «Ксень, сделай мне кофе…». Это был единственный мостик, связывающий меня с реальностью. Как он собирается вытащить меня отсюда под присмотром Дженни, которая, я уверена, и в туалет за мной пойдет? Не знаю. Но Семён — старый лис. Если он решился передать записку через курьера в Central Park Tower, значит, у него есть план.

Я закрыла глаза. Завтра я стану Синтией Эшли для всего мира. А сегодня я еще Ксения. И я верю, что кукловод из прошлой жизни окажется расторопнее кукловода из настоящей.

Утром я проснулась рано, когда солнце еще только пробовало на вкус верхушки вековых дубов в саду. Лежала с закрытыми глазами, стараясь подольше удержать это зыбкое состояние «между мирами». Хотелось просто побыть наеди-

не с собой, пока не приперлась эта стерильная сучка Дженни и не начала натягивать на меня очередную маску.

Настроение препоганейшее. Предстояло шоу — знакомство с какими-то таинственными «друзьями» Алекса. Изображать дочь… Очередной Рубикон. В последнее время я только и делаю, что перехожу эти гребаные реки, даже не успевая толком обсохнуть. Очередная точка невозврата. Я понимала - как только Алекс введет меня в свой ближний круг, все пути к отступлению (которых и так уже не осталось) будут перерезаны автогеном.

Даже если предположить, что Семён — или Олег, черт бы его побрал с его двойными, даже тройными, именами — совершит чудо и эвакуирует меня на родину. Что дальше? Бегать остаток жизни по конспиративным норам, вздрагивая от каждого шороха? Перспективка так себе. Как в том анекдоте: даже если вас сожрали, у вас все равно есть выход. С другой стороны, Алекс не вечный. Даже такие акулы иногда выбрасываются на берег или дохнут от старости. Хотя этот тип выглядит так, словно планирует прожить до сотни, а мне тогда уже будет под шестьдесят… Негусто.

Я накрылась одеялом с головой, пытаясь выдавить из мозга лишние мысли. Не помогло. Думать было противно, не думать — опасно.

Примерно через час в спальне материализовалась Дженни. Я уже начала привыкать к её скиллу телепортации — она не ходит, она перемещается в пространстве, игнорируя зако-

ны физики.

— Мисс Синтия, — её голос был тихим, но в нём звенели командирские нотки, — мистер Эшли приглашает вас на завтрак.

Я вздохнула и села на кровати. Вчера, когда эта андроидша раздевала меня, она выдала мне ночную «униформу», видимо, принятую по этикету в этом доме-музее имени Алекса Эшли. Долбаную белую ночную рубашку до пят. Настоящий саван, честное слово. Я ненавижу ночные рубашки, особенно такие — в них чувствуешь себя либо героиней викторианского романа, либо пациенткой дурки. На мой робкий запрос о пижаме Дженни ответила коротким «нет», которое не подразумевало дискуссий. Стоило двери за ней закрыться, как этот саван полетел в угол. Спала я голая — уж лучше так, чем в этом белом убожестве.

Дженни неодобрительно покосилась на мою наготу, но комментировать не стала — в её программе, видимо, не было заложено морализаторство. Она молча выдала мне новый комплект одежды.

Твою же мать! Я-то ждала очередное платье, ну, может, чуть поскромнее бирюзового шедевра. Но Дженни разложила на кресле костюм «офисной крысы». Белая блузка, черная юбка чуть выше колен. Привет доктору Семёну Марвину и моим трудовым будням в Нью-Йорке. В комплекте шла золотая цепочка с кулоном — скромно, по-деловому, но на вид стоит как небольшой подержанный самолет.

Я одевалась, стараясь не смотреть на Дженни. Боялась, что она увидит в моих глазах ту глухую ненависть, которую я уже не всегда успевала прятать.

— Мисс Синтия, вам помочь с макияжем? — спросила она.

— Нет! — рявкнула я так, что сама удивилась. — Накраситься я еще способна, Дженни. Руки не отсохли.

— Но, мисс Синтия, макияж должен соответствовать…

— Никаких «но»! — я начала закипать. — Я знаю все стили. Стиль «нюд» устроит ваше величество? Или есть еще пожелания от главного режиссера?

— Да, мисс, — кротко ответила Дженни и испарилась.

Я приняла душ, накрасилась — быстро, жестко, профессионально — и спустилась вниз. Алекс уже сидел в столовой. Он смотрел в окно на свой идеально подстриженный сад, и вид у него был откровенно скучающий. Заметив меня, он кивнул — коротко, почти официально. За что я впала в немилость на этот раз? Не так ложку в руку взяла?

На завтрак подали кофе и омлет. Омлет был божественным, но кусок не лез в горло. Дождавшись, пока я закончу, Алекс начал инструктаж.

— Синтия, — начал он без предисловий. — Запоминай легенду. Ты моя дочь. Ты узнала об этом совсем недавно. Когда тебе было меньше года, на меня началась охота. Это были серьезные люди, они до сих пор в игре. Серия покушений, угрозы… Ребенок был бы идеальным инструментом давле-

ния. О тебе тогда никто не знал, но это был вопрос времени. Я решил тебя спрятать. В России, у своих проверенных людей. Я обрубил все нити, но пожар много лет назад стер твои следы. Я искал тебя долго. Нашел около года назад, перевез в Штаты, но скрывал, пока была жива Джулия.

Он замолчал, изучая мою реакцию.

— Всё поняла?

— Алекс… — я решила уточнить детали, пока мы еще в «безопасной зоне». — А мне не нужно знать подробности? Где именно я жила? Что за пожар? На чем я могу погореть?

— Нет, — отрезал он. — Этого достаточно. Вопросы задавать не будут. Во всяком случае, не тебе. Веди себя скромно, но уверенно. Дочь Алекса Эшли не может быть робкой овечкой. В твоем арсенале полно масок, выбери подходящую. На вопросы отвечай коротко. Можно изобразить легкое смущение. Если вдруг всё же спросят про Россию — говори почти как есть. Пожар, детдом, приемные семьи.

Он сделал паузу и добавил: — Лучшая ложь — та, которая на девяносто процентов состоит из правды.

Я вздрогнула. Это же мои слова. Мой любимый метод. Слышать их от него было всё равно что увидеть в зеркале чужое лицо, которое улыбается твоей улыбкой.

Алекс подошел ко мне, взял за руку — жест был властным, почти собственническим — и повел к выходу. У дверей уже урчал «Роллс-Ройс». Вася, всё такой же монументальный и непроницаемый, придерживал дверцу.

Шоу начиналось. И я очень надеялась, что сегодня не финал.

Дорога до города заняла вечность. Алекс почти всё время молчал, гипнотизируя взглядом проплывающие мимо пейзажи Лонг-Айленда. Но когда впереди замаячили стальные шпили Манхэттена, он всё же решил подать голос.

— Синтия, когда мы прибудем на место, я тебе всех представлю. Но пока немного введу в курс дела, чтобы ты понимала, с кем сегодня будешь общаться… хотя «общаться» — это громко сказано.

Он усмехнулся, и в этой усмешке было больше льда, чем в Северном Ледовитом Океане.

— Это скорее смотрины. Вывод в свет новой фигуры. Веди себя естественно, говорить в основном буду я. Там будут те, кто так или иначе держат в руках не только эту страну, но, возможно, и большую часть мира. Мы не всесильны, нас мало, у нас много конкурентов, далеко не все согласны с нашими методами… Но мы пытаемся удержать этот мир от сползания в бездну, из которой уже не будет возврата. Непомерные амбиции и жадность некоторых… кхм… персонажей загнали человечество в такую глубокую яму, из которой мы пытаемся вытащить его за уши. Буду предельно откровенным: пока получается не очень.

Я слушала, разглядывая свою безупречно белую блузку. Значит, «спасители мира». Идейные психопаты в режиме миссионерства. Самая опасная комбинация во Вселенной.

— В общем, сегодня ты познакомишься с людьми, про которых ты вряд ли слышала или видела их в новостях, — продолжал Алекс. — Они не любят публичности, предпочитая оставаться в тени. Так удобнее и эффективнее. Под удар в первую очередь попадают те, кто на виду. На сегодня это всё, что тебе нужно знать. Остальное — позже.

Мы въехали в Верхний Ист-Сайд. «Роллс-Ройс» мягко притормозил у неприметного трехэтажного здания. Если бы я проходила мимо, я бы даже не задержала на нем взгляд — обычный старый дом, каких тысячи. Вася выскочил и открыл нам дверцу. Ни вывески, ни таблички — просто массивная деревянная дверь с потемневшим от времени медным звонком. Настоящие деньги не любят кричать о себе, они предпочитают шептать.

Входная дверь открылась еще до того, как мы успели к ней подойти — видимо, за нами наблюдали через десяток скрытых линз. Мы вошли внутрь, и контраст ударил меня по глазам, как вспышка.

Экстерьер был жалкой ширмой. Внутри здание напоминало закрытый клуб для миллиардеров из тех фильмов, где решаются судьбы континентов. Строгий минимализм, тяжелое дерево, антиквариат, который не выставляют на аукционах, и запах чего-то очень дорогого и очень старого. Никакого модерна — только вечность.

Мужчина средних лет в темно-синем костюме, идеально подогнанном по фигуре, встретил нас коротким поклоном.

Он без единого слова провел нас по коридору, застеленному мягким ковром, и открыл массивную дверь в зал.

За длинным полированным столом уже сидело человек десять. Мужчины и женщины, на вид — скучные юристы или университетские профессора, если не присматриваться к их часам и той ауре абсолютной уверенности, которую невозможно сымитировать. Сопровождающий так же молча испарился.

— Еще не все собрались, — шепнул мне Алекс, подталкивая к свободному месту.

Он провел меня к столу, и мы сели рядом. Я чувствовала на себе десяток взглядов — холодных, изучающих, препарирующих. Нас не представили. Пока что я была просто «фигурой на смотринах», которую каждый из присутствующих сейчас оценивал на предмет прочности и полезности.

Шоу начиналось. И я очень надеялась, что сегодня не финал.

Куда я нахрен попала?!

Эта мысль вгрызалась в мозг сверлом на повышенных оборотах, выбивая искры. Всё происходящее казалось каким-то затянувшимся кошмаром, из которого не было выхода. Я внезапно и до боли в горле затосковала по своей прежней жизни. По Москве. По тем временам, когда манипуляции были мелкими, а выживание — понятным. Шантаж, интриги, привычная борьба за место под солнцем — это сейчас казалось легким, желанным и почти домашним.

А то, что творилось здесь и сейчас — это был какой-то запредельный сюр. Я была банально не готова к такому масштабу. Не по Сеньке шапка, не по Хуану сомбреро — выбирайте любой вариант, суть одна. Одно дело — играть в «хищницу» в песочнице, и совсем другое — оказаться в центре мирового закулисья. Я ведь всегда воспринимала это как чистой воды конспирологию для городских сумасшедших. Оказывается, шапочки из фольги не так уж и смешны, когда за столом напротив сидят люди, способные обрушить экономику целой страны за чашечкой утреннего эспрессо.

Да, я девочка амбициозная. У меня всегда были далеко идущие планы. Я ведь месяцами «обрабатывала» Марвина, когда еще не знала, что он Семён. Я-то считала себя кукловодом, выстраивала схемы, как получить через доктора доступ к настоящей нью-йоркской элите. Но мои планы ограничивались вещами осязаемыми: собрать компромат, придавить шантажом, выбить для себя выгоду, деньги, статус. Заработать стартовый капитал, обрасти связями, закрепиться в этой долбаной Америке и создать задел на будущее. Понятная программа «Homo Mechanicus».

Но такое… мне это даже в самом паршивом сне не могло присниться. Стать наследницей миллиардера? Вершить в перспективе судьбы мира?

Сорян, но на это я не подписывалась. При всем моем безграничном уважении к собственной персоне, я понимала: я это не потяну. Меня либо закопают в безымянной могиле,

либо замуруют в подвале одного из роскошных особняков Эшли как «актив, не оправдавший ожиданий».

Главное — трезво оценивать свои силы. Не поймать то самое «головокружение от успехов» и вовремя нажать на тормоза. Эту фразу следовало бы выбивать долотом на надгробиях всех тех, кому непомерные амбиции и блеск золота окончательно выжгли разум.

В этот момент, под перекрестным огнем холодных взглядов, я всё для себя решила. Если Семён найдет способ со мной связаться — я согласна. На всё согласна. Пусть только заберет меня из этого золоченого ада, где за каждой вежливой улыбкой скрывается звериный оскал. Я кристально ясно осознавала свое место в этой новой иерархии: я маленький белый кролик с красным бантиком на шее, сидящий в центре круга среди стаи голодных, вежливых и очень хорошо одетых волков.

Мои размышления прервал приход последних персонажей. В зал вплыла женщина лет пятидесяти в брючном костюме, стоимость которого, вероятно, равнялась бюджету небольшой африканской страны. Лицо её было перетянуто пластикой настолько жестко, что напоминало восковую маску: ни одной живой морщинки, только мертвая, фарфоровая гладь. Следом за ней вошел мужчина, абсолютно лысый и гладкий, как бильярдный шар, в темно-сером костюме и при таком тугом галстуке, что казалось, он сейчас задохнется. Но он не задыхался. Он смотрел на мир так, будто тот был его

частной собственностью.

Они сдержанно кивнули присутствующим и заняли свободные места.

— Все в сборе, — Алекс оживился. В его голосе прорезались те самые властные, холодные нотки. — Господа, я благодарен вам, что вы нашли время. Да, встреча внеплановая, но повод… исключительный.

— Алекс, — перебила его чуть полноватая женщина в строгом сером платье, — может, ты сначала представишь нам свою… спутницу?

В её голосе было столько яда, что хватило бы на пару кобр. Алекс нахмурился, но лицо его осталось непроницаемым.

— Спасибо, Линда, что напомнила. Я как раз собирался. Друзья, вы знаете меня давно. И если кто-то из вас решил, что между мной и этой девушкой есть некая связь интимного характера, то спешу разочаровать. Дело в том, что это… — он выдержал паузу, от которой воздух в зале, казалось, зазвенел. — Моя дочь. Синтия Эшли.

Немая сцена. Время будто споткнулось и замерло. Несколько человек так и застыли с открытыми ртами. Похоже, Алекс не просто любил сюрпризы — он ими завтракал.

— Какая дочь, Алекс?! — вскочил мужик с густой черной шевелюрой и золотым «Ролексом», который так яростно блестел на свету, что слепил глаза. — Это шутка? У тебя никогда не было детей!

Алекс поднял руку в универсальном жесте «стоп».

— Господа, прошу тишины. Я сейчас всё объясню.

Он сел на место, сложил пальцы «домиком» и начал плести легенду. Роман двадцатилетней давности, случайная беременность… Слушая его, я почти сама поверила в эту лажу. Он говорил так убедительно, так просто, что даже у меня в какой-то момент защипало в носу от этой «семейной драмы».

— Начну издалека. Двадцать лет назад… Ну почти двадцать, у меня был непродолжительный роман с одной девушкой. Про мои отношения с покойной Джулией все прекрасно знают, поэтому не буду ничего уточнять. Случилось так, что девушка забеременела, а я особо и не возражал. В общем… у меня родилась дочь, Синтия. Но, как многие из присутствующих помнят, примерно в то время на нас началась большая охота. Многие из наших дорогих друзей не пережили этот период, вечная им память и наше глубокое уважение.

Мать Синтии, к сожалению, тоже стала одной из жертв этой охоты, а жизнь самой девочки висела на волоске, несмотря на все меры безопасности, предпринятые мной. Я принял единственно возможное на тот момент решение — вывезти дочь из страны. Спрятать. В России у меня был человек, которому я доверял почти как самому себе. Он обещал позаботиться о Синтии, пока я не решу свои проблемы. Но около восьми лет назад случилась беда. Случайность или нет, сейчас уже не понять, но мой человек погиб, а девочка исчезла. Я много лет искал её, но нашел только меньше года

назад. И вот она здесь.

— Синтия, встань, пожалуйста. Представься.

Я встала. Потупила глазки — роль «бедной сиротки» у меня была отработана до автоматизма.

— Синтия Эшли, — тихо произнесла я.

Затем пошел ответный круг. Они поднимались один за другим, называя имена и фамилии, которые для меня были просто белым шумом. Но Алекс шептал мне на ухо, расставляя акценты: «Партнер юрфирмы», «Конгрессмен-республиканец», «Хедж-фонд», «CEO нефтянки»… Список Forbes в разрезе.

А потом начались вопросы.

Прагматика зашкаливала. «Нормальная» биомасса спросила бы: «А Джулия знала?» или «Она на тебя похожа?». Этих же интересовало другое.

— Насколько она подходит под наши параметры? — спросил лысый.

— Тест ДНК подтвержден? — уточнила «восковая маска», и я поняла: она спрашивает не про отцовство, а про структуру моей личности.

— Риски? Степень лояльности?

Алекс отвечал кратко. Им было достаточно. Здесь собрались не любители поболтать, а те, чья минута стоит как годовая аренда моей бывшей халупы в Ньюарке.

А вот вопросы ко мне… На жизнь в России им было глубоко насрать. Правда одна женщина, прищурившись, спро-

сила:

— Синтия, а как вас звали в России?

— Ксения, — ответила я честно.

— Какое точное имя, — она улыбнулась тонкими губами. — С греческого это «Xenia». Чужая. Гостья. Вам очень подходит.

Это было попадание в яблочко. Чужая. Именно так я себя и чувствовала всю жизнь.

Остальные вопросы были проверкой на вшивость. Проверкой моей «породы».

— Вы когда-нибудь любили, Синтия? — спросил конгрессмен.

— Любовь — это биохимическая ошибка, — ответила я ровно, глядя ему в глаза. — Она мешает расчетам. Я предпочитаю функциональную привязанность. Она долговечнее.

— Были ли у вас друзья?

— Полезные контакты. Слово «друг» предполагает эмоциональную зависимость. Мне она не знакома.

— Делали ли вы что-то, за что чувствуете вину? — спросила женщина в сером.

— Вина — это неэффективный балласт, — отчеканила я. — Зачем жалеть о том, что уже совершено и имело свою логику в моменте? Это пустая трата энергии.

— Смогли бы вы убить, если бы возникла угроза вашей безопасности? — лысый подался вперед.

— Убийство — это крайняя форма решения проблемы,

— я даже не моргнула. — Если другие методы не работают, остается этот. Вопрос исключительно в цене и способе утилизации.

— Что вы почувствуете, если из-за вашего решения погибнет ребенок?

— Статистическую погрешность, — я пожала плечами. — Биомасса всегда восполнима. Важна цель, а не сопутствующий ущерб.

— Чувствуете ли вы ностальгию по России?

— Я чувствую дискомфорт от перемены климата и часового пояса. Ностальгия — это для тех, у кого есть дом. У меня — только маршрут.

По залу пронесся тихий, одобрительный шелест. Они узнали во мне свою. Признали «своей породы». Я не врала — я знала, что эти волки почуют ложь раньше, чем я успею закрыть рот. И эта честность была моей единственной бронёй.

Я сидела, чувствуя себя насекомым, которое пристально изучают под лупой, и понимала: экзамен сдан. Но вместо радости в душе ворочался холодный ком. Я официально стала одной из них. И теперь Семёну придется очень сильно постараться, чтобы вытащить «Чужую» из этого террариума.

— А ты молодец, — похвалил Алекс, когда этот цирк наконец закончился и мы вышли на улицу. Воздух Верхнего Ист-Сайда казался на вкус как дорогой металл. — Правильно держалась, грамотно отвечала. Порода видна сразу.

— И что теперь? — спросила я, когда мы шли к машине. Вася уже стоял у распахнутой дверцы, монументальный и безмолвный, как надгробие. — Я так понимаю, проверку я прошла. Кастинг завершен. Что дальше? Что мне вообще нужно делать?

Я решила, что пора перестать изображать покорную сиротку. Тошно. Я уже поняла, что нужна ему, а значит, имею право хотя бы на минимальный «голос из клетки». Алекс посмотрел на меня с легким удивлением — так смотрят на кухонный комбайн, который внезапно начал задавать уточняющие вопросы.

— Что делать? — переспросил он, усаживаясь в прохладную глубину салона. — Учиться, Ксюша. Стать моим достойным преемником. У нас очень мало времени.

Он произнес моё имя почти без акцента. И это прозвучало страшнее, чем любая его угроза до этого.

— Почему? — я пристроилась рядом, чувствуя, как кожа сидений холодит кожу. — Что должно произойти?

— Я не вечный, девочка. И я не робот. К сожалению, я всего лишь биологический организм со всеми вытекающими дефектами. Мне остался год. Может, чуть больше.

Он помолчал, глядя на свои идеально ухоженные руки, в которых застыла власть над половиной мира.

— Экстракт крови христианских младенцев больше не помогает так, как раньше. — Заметив, как у меня полезли глаза на лоб, он тут же добавил с сухой, мертвой усмешкой: —

Шучу, шучу…

Мне было плевать на младенцев. Пусть он хоть ванны из их крови принимает, хоть на завтрак их ест. В моей голове билось только одно слово: Год.

Что я успею за год?! Я талантливая, я быстро соображаю, я умею выживать, но первоклассник не освоит квантовую физику за пару четвертей, даже если его будут бить током за каждую ошибку!

— Алекс… как? Что значит — год? Я не смогу… я просто не успею!

— Сможешь, — отрезал он. Голос его стал плоским и тяжелым, как могильная плита. — Страх смерти — лучший мотиватор в истории человечества. Я тебе уже говорил: у тебя нет опции «не справиться». Альтернативу ты видела сегодня за столом. И мне даже не придется ничего делать. Эти «добрые люди», которых я называл друзьями, позаботятся о тебе очень быстро. Это была дань вежливости, Ксюша. У таких, как мы, не может быть друзей.

Мы сели в машину. Вася безмолвно отправился за руль, «Роллс-Ройс» мягко тронулся с места. А меня накрывала настоящая, черная паника.

— Но как?! — я почти сорвалась на крик. — Это же не к контрольной по алгебре подготовиться! Я же вообще ничего не умею… Я не смыслю в ваших схемах, в этих фондах, в политике!

— Справишься, — Алекс был непоколебим. — Ты пра-

вильной породы. В тебе есть стержень. Тебя можно гнуть, Ксения, но сломать — не получится. Ты такая же, как я. Только молодая.

Я едва держалась, чтобы не зарыдать прямо здесь, на его глазах. Нельзя. В нашей среде плачут только на заказ, когда нужно выбить из лоха слезу или лишний миллион. А заказа не было.

Господи, мне нужен Семён! Мне нужно, чтобы меня вытащили отсюда! Куда угодно — в Антарктиду, в подвалы Лубянки, в одиночную камеру! Там не так страшно, как в этом элитном террариуме.

Алекс тем временем огорошил меня очередной «хорошей» новостью:

— Сегодня и завтра отдыхаешь. Приходи в себя. Послезавтра входишь в состав Совета Директоров моей компании. Тебе нужно за месяц вникнуть во все основные дела. Через месяц ты должна полностью заменить меня в операционном управлении.

Я открыла рот, но челюсть просто заклинило. Совсем.

Что он сказал? Совет Директоров? Многомиллиардная корпорация? Заменить его за месяц?! У деда явно деменция перешла в терминальную стадию. У меня, черт возьми, даже высшего образования нет! Какое там высшее… одиннадцать сраных классов российской школы и диплом по специальности «выживание в московских подворотнях». Да даже Вася справился бы лучше — он хотя бы буквы в контрактах узна-

ет!

Наконец челюсть с хрустом встала на место. Я промямлила что-то невнятное.

— Что? — переспросил Алекс, не поворачивая головы.

— Ничего, — ответила я.

Я отвернулась к окну, глядя на размытые огни Манхэттена, и просто заплакала. Беззвучно, злыми, обжигающими слезами. Я больше не могла держаться. Даже для «механического человека» это был явный перебор.

Глава 5

Когда мы добрались до усадьбы, солнце уже догорало, окрашивая белоснежные стены особняка в цвет запекшейся крови. С учетом пробок путь из Манхэттена занял вечность — три с лишним часа в гробовом молчании Алекса и шуршании шин по асфальту.

Я шла к входной двери на негнущихся ногах, как плохо смазанный робот. Перед глазами, перекрывая реальность, пульсировала неоновая надпись: «System error. Critical failure». Ресурс был исчерпан до донышка. Мне нужно было только одно: упасть и выключиться, желательно навсегда или хотя бы до следующего ледникового периода.

Дженни, кажется, считала всё по моему лицу в ту же секунду, как я переступила порог. Она молча — а она, кажется, вообще игнорировала звуковую коммуникацию — подхватила меня под локоть и потащила наверх. В спальне она методично раздела меня, снимая этот опостылевший «офисный прикид». Когда она попыталась всучить мне ночнушку-саван, я отшвырнула её со злостью, на которую, казалось, уже не имела сил. Дженни не настаивала. Я рухнула в постель прямо в белье и провалилась в тяжелую, беспросветную тьму.

Проснулась я глубокой ночью. Часы на телефоне равнодушно светились: 02:30. Голова была пустой и звонкой, как

выпотрошенный кокос. Сходила в туалет, вернулась, но сон улетел безвозвратно.

Я пошарила в шкафу. Ничего, кроме вечернего шелка и офисной дряни. Где моя футболка? Где шорты с бахромой? Похоже, Дженни отправила мой «пролетарский» гардероб на помойку как порочащий честь наследницы престола Эшли. Ну и черт с вами.

Я спустилась вниз в чем была — в одном белье. Прошла на кухню, механически запустила кофемашину. Запах кофе немного прочистил рецепторы, но мозг по-прежнему работал в аварийном режиме.

Бежать. Мысль билась в черепной коробке, как пойманная птица. Надо бежать прямо сейчас, пока дом спит. К утру я буду далеко... Но куда? Без денег, без документов — паспорт «Тани Ричардс» Вася изъял еще по прибытии. Пешком до Манхэттена? А там — в российское консульство? Бред. Сказка для идиотов. Нужно ждать Семёна.

— Так, Ксю, спокойно, — прошептала я, обхватывая чашку ладонями. — Послезавтра ты входишь в Совет Директоров. Свободы будет больше. Семён как-то проявится. Главное — дожить.

Я вышла в гостиную. Ночь здесь была абсолютной. Только тихий стрекот насекомых за панорамными окнами нарушал стерильную тишину. Или это ветер шевелил листья дубов?

Я включила свет — тусклый, дежурный режим — и от нечего делать принялась разглядывать картины. Искусство-

вед из меня был как из Васи балерина, но деваться было некуда. Сначала шли пейзажи, потом — портреты. Достопочтенное семейство Эшли, глядящее со стен с высокомерием почивших богов.

Вот сам Алекс, лет на двадцать моложе, еще не такой высушенный временем. Вот суровый мужчина, явно его отец. Женщина с нелепой прической-клумбой из шестидесятых...

Стоп. Что это?! Глюк в матрице?

С портрета на меня смотрела... я. Это была я, только лет на двадцать старше и с этой дурацкой укладкой. Но глаза, разворот плеч, эта характерная складка у губ — я словно смотрелась в кривое зеркало, которое решило показать мне моё будущее.

Я впилась взглядом в медную табличку под рамой: «Маргарет Эшли... 1939-2006».

— Это что нахрен за прикол такой? — прошептала я. — Он что, решил меня окончательно с ума свести? Репродукция по спецзаказу?

— Это моя мама, — раздался тихий голос за спиной.

Я подпрыгнула почти до потолка, едва не выронив чашку. У них здесь что, соревнование по бесшумному подкрадыванию?

Я резко обернулась. В дверном проеме стоял Алекс. На нем была дорогая пижама с вензелем, волосы со сна растрепались, что делало его похожим не на акулу бизнеса, а на обычного, очень старого человека.

— Она была хорошей женщиной, — произнес он, медленно подходя к картине. — Хотя и не была в восторге от того, что родила «такого» сына. А других детей ей бог не дал.

Я смотрела на него, как на привидение. Реальность окончательно потекла, как дешевая тушь под дождем. Я открывала рот, но вместо слов из горла вылетал только жалкий писк.

— К-кто... Как? Почему?! — наконец выдавила я какую-то нечленораздельную чушь.

— Да, Ксюш, — он посмотрел на меня с какой-то странной, почти нежной печалью. — Это твоя бабушка.

И тут меня накрыло. Это был перебор. Мозг, решив, что лимит потрясений на сегодня превышен в несколько раз, просто выключил предохранители. Ноги стали ватными, свет в гостиной начал стремительно гаснуть, сворачиваясь в одну яркую точку.

Я провалилась в милосердную, глухую темноту.

Очнулась я только тогда, когда за окном начало сереть — то самое неуютное время перед рассветом, когда мир кажется выцветающим и плоским. Повернув голову, я увидела Алекса. Он сидел на самом краешке кровати, прямой, как натянутая струна. Взгляд его был прикован к моему лицу, и в этом взгляде не было ни тени сна.

Увидев, что я открыла глаза, он заговорил. Тихим, ровным голосом, словно продолжал прерванную лекцию.

— Чуть больше двадцати лет назад я начал искать. Я искал девушку, которая… которую… Впрочем, неважно. Ду-

маю, ты и сама уже всё прекрасно понимаешь. Кого я искал и зачем.

Он на мгновение прикрыл глаза, будто листал страницы прошлого.

— Среди них была и Эмили, про которую ты знаешь. Было и много других. Все они были с… особенностями. «Бракованные», как называет их стадо. «Новая ступень эволюции», как называю их я. Но они все не дотягивали. Около двадцати лет назад я путешествовал по России. Я вообще любил открывать для себя новые уголки этой планеты, пока она еще не окончательно протухла. Россия тогда казалась мне таинственной, вопреки той чуши про медведей и балалайки, которую пишут в наших газетах.

Он усмехнулся — сухо, краем губ.

— Даже в России мне попадались особи, вызывавшие интерес. Тот самый интерес. В Пензе я познакомился с одной… Мария её звали. Хорошая девушка, но глупая. Пустая внутри. Мне она не подошла, как и все остальные. На следующий день я просто поехал дальше. А Мария осталась в своей Пензе. Я про неё больше и не вспоминал до тех пор, пока вы с Семёном — или правильнее называть его Олегом? — не затеяли свою смехотворную игру.

Алекс подался вперед, и в его зрачках отразился серый утренний свет.

— Когда я тебя впервые увидел, Ксения, я подумал, что у меня галлюцинации. Это сходство… оно было пугающим. Я

заинтересовался тобой как феноменом, тем более что сразу разглядел твою суть. Но позже я задействовал доверенных лиц в России и получил твоё полное досье. Там я увидел фото твоей матери. И пазл сошелся так плотно, что выбил воздух из легких. Это невероятно, математически невозможно, но ты — моя родная дочь. И ты точно такая же, как я. Шанс один на миллион, но он выпал.

Я лежала, не в силах произнести ни звука. Всё это казалось дичайшим бредом сумасшедшего, сценарием дешевого латиноамериканского сериала, который внезапно решили переснять в жанре киберпанка. Как? Какая цепочка случайностей могла привести нищую пензенскую сироту к её настоящему отцу, который по совместительству оказался американским миллиардером и идейным психопатом?

И что мне теперь с этим делать? Кинуться ему на шею с воплем «папочка», орошая его пижаму слезами восторга? Нет. Да я и не чувствовала ничего, кроме холода. Это был медицинский факт: в моем организме отсутствовали рецепторы для такой химии.

Зато я осознала другой факт: теперь я влипла окончательно. Мне не придется *изображать* его дочь. Я на самом деле его кровь. А значит, все мои планы на побег, все надежды на то, что Семён вытащит меня отсюда, пошли по одному известному месту. Семён охотился на «актив» Алекса Эшли, а попал на его наследницу.

Значит, хана. Убить он меня теперь, может, и не убьет…

Хотя кого я обманываю? Нашу породу родственные узы не останавливают. Нам на них плевать. Моя сгоревшая мать — тому самое яркое и неоспоримое подтверждение. Для таких, как Алекс, как я, люди — это просто функции. И если дочь-функция даст сбой, её утилизируют так же хладнокровно, как и любую другую.

Ну, теперь я хотя бы понимаю, в кого я такая упертая и умная. Генетика — штука беспощадная. Раньше я часто гадала: мать ведь была тупая как пробка, в кого я уродилась такой «удачной»? Умница, красавица, хищница. Получается, если оба родителя — психопаты, то у ребенка шансов вырасти «нормальным» просто нет? Биологический детерминизм в действии. Впрочем, сейчас не до размышлений о наследственности.

Напротив меня сидит человек, который только что перевернул мой мир вверх дном, и сверлит меня своим «добрым» взглядом. Надо что-то сказать. Отреагировать. Изобразить хоть какую-то эмоцию, положенную по статусу вновь обретенной дочери. Но я, хоть убей, не знала, какую маску выбрать.

— Алекс… — я наконец решилась прервать эту гнетущую тишину. — А как… почему? Зачем всё это? Весь этот спектакль?

Бред. Сформулировала как первоклассница. Но, как ни странно, он всё понял без лишних слов.

— Ну, во-первых, Ксения, я не любитель дешевых фоку-

сов в стиле «Люк, я твой отец». Это для Голливуда, а не для жизни, — он расслабленно откинулся на спинку стула. — Во-вторых, мне нужно было тебя проверить. Посмотреть в деле. Ну и твоего Семёна попутно вывести из игры. Извини, что так жестко, но, как ты понимаешь, угрызений совести я не испытываю — ввиду полного отсутствия этого органа в моем организме.

Я молча кивнула. Справедливо. Я бы на его месте сделала так же.

— И потом… мне нужно было подготовить твое появление. И избавиться, наконец, от балласта в виде моей дражайшей супруги. Это всё равно пришлось бы сделать. Не оставлять же ей… всё. Эта тупорылая курица просрала бы мою империю за год. И тебя бы она ни за что не приняла. Ты думаешь, я сам убивал всех этих девчонок, которых находил? Мог бы, но зачем марать руки? Это Джулия, моя «прекрасная» жена, методично устраняла все потенциальные угрозы и помехи. Ей везде мерещились конкурентки.

— А как же всё это… — я замялась, вспоминая рассказы Семёна. — Личность, наложенная поверх другой? Двойное дно? То, о чем говорил Семён… что вы прячете монстра под маской тюфяка?

Алекс рассмеялся. Громко, искренне, заливистым и совершенно живым смехом.

— Ой, Ксюша… Бред это всё. Чистой воды выдумки твоего куратора. Ему нужно было тебя напугать, посадить на ко-

роткий поводок, чтобы ты видела в цели не человека, а непостижимый механизм.

Он вытер выступившую слезу и стал серьезным.

— Всё было немного иначе. Это не меня приводили к элитному психологу, а её. Это у Джулии крыша начала съезжать всё сильнее с каждым годом. А она мне была еще нужна — как политический фасад. С ней действительно работал специалист, которого коллеги твоего Семёна, то есть Олега, позже устранили. Олег тоже знает правило про 90% правды и 10% лжи, которые превращают любую истину в труху. Он просто взял реальную историю и поменял в ней центральную фигуру. Сделал «монстром» меня, хотя я — просто рациональный игрок. А Джулии действительно пытались наложить ограничители. Не полноценную личность, конечно — это фантастика, — но блокираторы агрессии. Держались они паршиво. А тут еще Генри под машину попал… И, как по заказу, из каждого утюга мне начали петь про гениального чудо-доктора Марвина. Мы решили рискнуть и попробовать его. А потом Вася нарыл про него много интересного. Но это было уже после нашего знакомства.

— А Вася… — я почти пискнула, вспоминая этого «шкафа-водителя».

— Заместитель главы моей службы безопасности. В прошлом — кадровый офицер ГРУ. Знаешь, что это такое?

Я снова кивнула. Значит, «Патрик» — это не просто мышцы (хотя мне и так это было понятно). Это профессиональ-

ный охотник на двуногих.

— Я умею находить правильных людей, Ксения, — сказал Алекс, слово в слово повторив фразу Васи на яхте. — И его действительно зовут Василий, чтобы ты там себе ни напридумывала.

— А вы уверены… что я правильный человек? — спросила я, глядя ему в глаза.

— Уверен, — отрезал он. — Иначе бы ты здесь не лежала. Тот факт, что ты моя дочь, в моей системе координат не дает тебе права на ошибку. Биология вторична. Функционал — первичен.

Это я как раз понимала лучше всего. Мы говорили на одном языке.

Наконец Алекс сжалился. — Отдохни. Тебе нужно прийти в себя и переварить этот объем данных. Я скажу Дженни, чтобы она тебя не беспокоила до вечера. Отлежись.

Он поднялся и вышел из комнаты, оставив меня один на один с новой реальностью, в которой мой «наставник», на которого я возлагала надежды на спасение, оказался лжецом, мой враг — отцом, а я сама — единственным уцелевшим винтиком в машине, которая вот-вот должна перейти под моё управление.

Мне и правда нужно было отдохнуть. Переварить, остыть и перезагрузиться. Не каждый день на тебя обрушивается такой объем данных, способный спалить материнскую плату даже у опытного игрока.

Я решила, что этот день будет моим. Весь, до последней секунды. Я не буду думать ни о чем. Что бы там ни планировал Алекс на завтра или послезавтра — плевать. Я справлюсь. Алекс прав: меня можно согнуть в бараний рог, но сломать — хрен вам. Я из той породы стали, которая при перегрузках только закаляется.

Эта мысль принесла странное, почти физическое удовлетворение. Я почувствовала, как внутри закипает злость. Моя любимая, здоровая, функциональная злость. Это топливо с самым высоким КПД. Она не затуманивает разум, она делает его острым, как скальпель.

И я уснула. Уснула с улыбкой, которую сама бы назвала хищной. Снились какие-то обрывки из прошлой жизни, а еще — полет. Я летела над Манхэттеном, описывая круги вокруг шпиля Central Park Tower. Я видела сквозь стекло тот самый дуплекс и свою маленькую фигурку, прильнувшую к прозрачной преграде изнутри. Странное чувство — быть одновременно и здесь, и там. Кажется, я впервые в жизни летала во сне.

Проснулась я в двенадцать. Свежая, отдохнувшая и чертовски голодная. Желудок не просто урчал — он требовал жертвоприношений. На прикроватной тумбочке я заметила кнопку вызова прислуги. Раньше я бы колебалась, но сейчас нажала на неё почти с вызовом.

Буквально через несколько секунд в комнате материализовалась Дженни.

— Мисс Синтия, звали? Что вам угодно?

— Дженни, — я включила тон ленивой барыни, который подсмотрела в старых сериалах, — принеси мне поесть. На твое усмотрение, но, чтобы вкусно и много. И кофе. Самую большую кружку, что найдешь. И поживее, пока я не начала грызть подушки.

Пусть привыкает к новой хозяйке. Если я теперь «наследница», то буду пользоваться этим по полной программе.

Дженни молча кивнула и растворилась в воздухе.

Минут через десять она вернулась с подносом. Запах был такой, что я едва не захлебнулась слюной. Огромная кружка кофе, два увесистых бутерброда с розовой семгой и идеально дрожащими яйцами-пашот сверху. И какой-то зеленый салат для очистки совести.

Дженни поставила поднос на кровать и замерла в режиме ожидания. Настоящий биоробот.

— Дженни, — прошамкала я, уже вгрызаясь в бутерброд. Желток потек по пальцам, но мне было плевать. — А что за хрень с моими вещами? Где моя любимая футболка? Мои шорты? Кто велел их забрать?

— Мистер Эшли, мисс, — коротко ответила она.

«Понятно. Старик методично зачищает моё прошлое, как ненужные логи», — подумала я, но вслух сказала другое:

— Дженни, мне нечего надеть. В шкафу только это театральное платье и офисная дрянь для похорон здравого смысла. Убери это с моих глаз. Принеси мне что-нибудь человече-

ское. Джинсы, футболку, худи — мне плевать на бренд, мне нужен нормальный кэжуал. И принеси мне, наконец, нормальную пижаму вместо этого сраного савана! — заорала я так громко, что Дженни даже слегка вздрогнула.

Она не проронила ни слова, только молча кивнула и вышла вон.

«Знай наших, сучка металлическая», — злорадно подумала я. Жизнь потихоньку налаживалась. Когда в желудке плещется отличный кофе, а в жилах — чистая злость, любые «Советы Директоров корпораций» кажутся просто очередной игрой, в которой я еще не выставила свои настройки сложности.

Через несколько минут вернулась Дженни. В руках она несла стопку одежды с таким видом, будто это были реликвии из гробницы Тутанхамона. Она аккуратно разложила на кровати темно-серые джинсы, больше похожие на форменные брюки из исправительного учреждения, и простую серую футболку. Рядом на пол приземлилась пара кроссовок. Точнее — кед. Таких убогих, что в них постеснялись бы ходить даже на физру в моей пензенской школе.

И финал — пижама. Это был настоящий шедевр уныния. Какая-то старомодная хрень на пуговицах, мышиного цвета и неопределенного фасона. Она что, реально издевается?

— Дженни, — я медленно перевела взгляд с «обновок» на девушку, — это что за инсталляция «Смерть эстетики»?

— То, что вы просили, мисс, — голос Дженни оставал-

ся ровным, но мне показалось, что она чуть сильнее сжала пальцы. — Повседневная одежда и пижама.

— А ничего… ну, более современного в этом мавзолее не нашлось? Ты же вроде как девушка, не? Соображать-то должна. Мне восемнадцать, Дженни. Восемнадцать. А не сорок пять с прицелом на пенсию в монастыре. У тебя прошивка давно обновлялась или ты всё еще на Windows 95 сидишь? Твой стилист — слепой монах из Тибета?

Дженни заметно напряглась.

— Простите, мисс Синтия, это всё, что нашлось в гостевом гардеробе. Но вы можете выбрать любые модели в каталогах, всё доставят в кратчайшие сроки.

Ой, хрен с тобой, — подумала я. В городе всё куплю. Позже. Но желание потроллить этого безупречного биоробота было слишком сильным.

— Дженни, а ты вообще… как? Говорить-то по-человечески умеешь, или программой предусмотрены только стандартные скрипты «да, мисс, нет, мисс»? У тебя есть хоть одна живая мысль в голове, не санкционированная Алексом? Ты когда в зеркало смотришь, ты там кого видишь — личность или инвентарный номер?

Мне не показалось. Она реально покраснела. Пятна проступили на скулах, разрушая её фарфоровую маску. Значит, роботы всё-таки краснеют, если их правильно ткнуть палкой.

— Простите, мисс Синтия, — наконец выдавила она, старательно изучая носки моих новых-старых кед. — Я редко

выхожу из поместья. Я могу… чего-то не знать. Но я буду стараться соответствовать.

Ладно, не буду сегодня совсем уж законченной стервой. Пусть живет… как умеет. Хотя по мне, это не жизнь, а медленное гниение в дорогой упаковке. Сколько ей лет-то хоть?

— Дженни, сколько тебе лет? — спросила я уже мягче.

— Двадцать, — еле слышно произнесла она.

Ого. Всего на пару лет старше меня, а ведет себя как запуганная мышь, которую вечно бьют током за неправильный писк. Ладно, воспитанием займусь позже. Сейчас у меня другие приоритеты.

— Дженни, где мистер Эшли?

— Уехал в Нью-Йорк по делам. Вернется к вечеру.

— Отлично, — я соскочила с кровати, чувствуя прилив бодрости. — Дженни, поехали гулять.

Девушка вскинула голову, и в её глазах мелькнул настоящий, неподдельный ужас. — Что вы, мисс Синтия! Мне нельзя…

— Алекс запрещает?

— Нет, но…

— Никаких «но», — отрезала я, натягивая эти жуткие уродские джинсы. — Он же велел тебе присматривать за мной?

— Да, но…

— А покидать поместье он мне запрещал? Прямым текстом — «Синтия, сиди в норе»?

— Нет, но он просил…

— Значит, хватит херней страдать. Я сейчас вызываю такси, и мы едем на шопинг. Я не намерена дефилировать по этому склепу в мышиных обносках. Иди переодевайся. Или тебе не во что? Можешь взять моё офисное говно из шкафа, фигуры у нас похожие. Устроим косплей «деловых стерв на каникулах».

— У меня есть… своя одежда, — пробормотала Дженни, явно не зная, как реагировать на такой напор. — Я сейчас. Подождите, пожалуйста, пять минут.

Она выскочила из комнаты. Кажется, я только что устроила в её голове системный сбой. Ну и ладно. Поедем делать из робота человека. Безлимитная (почти) карта Алекса, которую он выдал мне перед ссылкой на Ангилью, жгла карман. Вася то ли забыл её отобрать, то ли Алекс решил, что «дочери» можно оставить мелочь на булавки. В любом случае, сегодня по Ист-Хэмптону пронесется финансовый ураган по имени Ксения Волкова… то есть Синтия Эшли, конечно же.

Дженни действительно вернулась ровно через пять минут. Внутренняя дисциплина у неё работала как швейцарский хронометр, чего нельзя было сказать о вкусе.

Твою мать! Я едва не закатила глаза к самому расписному потолку. Лучше бы она вообще не приходила или осталась в своем костюме горничной. В конце концов, в Нью-Йорке можно выдать её за элитную эскортницу, возвращающуюся с ночной смены после ролевых игр — это выглядело бы ло-

гично. Но то, что я увидела, не поддавалось никакой логике.

Как бы это описать… Мышиное — видимо, это был не просто её цвет, а состояние души — сиротское платьице с убогим белым воротничком. Настоящий привет из романов Диккенса про тяжелую долю английских сироток в девятнадцатом веке. Туфли… туфли были отдельной симфонией боли, я даже комментировать это не буду, чтобы не травмировать психику. А на голове — берет. Тоже мышиный. Серьезно?! Берет в двадцать первом веке!

Я резко отвернулась к окну. Не потому, что мне было стыдно за неё. Я просто изо всех сил старалась не заржать в голос, задыхаясь от приступа неудержимого веселья. Если я сейчас сорвусь, самооценка Дженни окончательно пробьет дно и устремится к раскаленному ядру планеты. Хотя, судя по её виду, она там уже давно обжилась.

— Дженни, — выдавила я, сдерживаясь из последних сил, чтобы голос не дрожал. — Ты… э… у тебя точно больше в закромах ничего нет? Совсем?

— Есть еще кое-что, мисс Синтия, — она недоуменно поправила свой берет. — А это… почему не подходит? Что-то не так?

«Что-то не так» — это слабо сказано, дорогая. Это катастрофа планетарного масштаба.

Я молча полезла в шкаф, выудила оттуда блузку, юбку-карандаш и туфли, которые мне выдали вчера. Вручила этот «офисный приговор» Дженни.

— Иди, переоденься. Это тебе больше пойдет, поверь моему горькому опыту. Считай это повышением по службе до моего персонального ассистента.

Дженни безмолвно приняла одежду и испарилась. Я осталась стоять в центре комнаты, размышляя: Алекс её что, на цепи в подвале держал с самого рождения? Как можно дожить до двадцати лет в центре цивилизации и выглядеть как пугало из викторианской эпохи? Нет, я всё понимаю: служанка, субординация, все дела… Но она же девушка! Молодая, красивая, с отличной фигурой. А ведет себя как программный код, написанный на перфокартах.

Дженни появилась минут через семь. Видимо, юбка-карандаш оказалась для неё сложным инженерным сооружением, и она долго искала вход. Ну вот! Совсем другое дело. В строгой блузке и узкой юбке она мгновенно превратилась из «сиротки Оливера» в сексапильную стерву из юридической фирмы. Даже в этой униформе она стала похожа на человека.

Я удовлетворенно кивнула. Картинка начала складываться.

— Дженни, — спросила я, завязывая свои жуткие кеды, — тут поблизости есть какой-то молл или приличное место, где не торгуют ветошью?

— Да, мисс. T.J. Maxx в Бриджхэмптоне. Минут десять на машине, — четко отрапортовала она.

— Тогда вызывай такси, — велела я, проверяя наличие карты Алекса в кармане. — Пора устроить этому Ист-Хэмп-

тону легкую встряску.

Дженни ушла звонить. Я посмотрела на себя в зеркало. Серые джинсы, кеды, за спиной — «робот» в офисном костюме. Веселье начиналось. И я очень надеялась, что лимит на карте Алекса такой же бесконечный, как и его самомнение. Потому что сегодня я собиралась купить не только одежду, но и кусочек своей свободы.

В такси Дженни молчала, стиснув зубы так, что на скулах ходили желваки. Она старательно не смотрела в окно, будто за стеклом была не идиллическая зелень Ист-Хэмптона, а открытый космос, высасывающий жизнь. Я видела, как она кусает губы — мелко, лихорадочно, почти до крови. Но решила не лезть в душу. Сделала вид, что увлечена пейзажем. У каждого свои способы сходить с ума, и мешать человеку в этом деликатном процессе — дурной тон.

Но в торговом центре маска «идеального андроида» окончательно треснула. Дженни вела себя как бедная родственница, которую впервые вывезли из глухой тайги на великосветский прием. У меня закралось подозрение, что она вообще никогда не покидала пределов поместья Алекса. Это как? Она что, выросла в пробирке в его подвале? Технологии вроде еще не шагнули так далеко, чтобы штамповать таких реалистичных ботов, но Дженни явно нуждалась в калибровке.

Она вздрагивала от каждого резкого звука, от каждого случайного взгляда прохожих. Тащилась за мной, как при-

клеенная, буквально прячась за моей спиной, когда мы проходили мимо шумных фудкортов. В её глазах я читала чистый, неподдельный ужас. Словно я привела её не в магазин шмоток, а на эшафот, и палач уже примеривается к её шее. То ли у неё с головой серьезные нелады, то ли мир за пределами высокого забора Эшли для неё — абсолютная Терра Инкогнита.

Я успела выбрать себе всего несколько вещей: уютное худи с каким-то кислотным анимешным принтом, джинсы с правильными потертостями, пару футболок и белые «Найки» с розовыми вставками — обожаю это сочетание, оно выглядит достаточно вызывающе для Синтии Эшли. Даже примерить не успела, хотела взять еще пару платьев и присмотреть что-нибудь для самой Дженни, чтобы окончательно вытравить из неё этот образ «сиротки Оливера».

И тут началось шоу.

Продавец-консультант, девица лет двадцати пяти с дежурной американской улыбкой, подошла к Дженни. Со мной всё было ясно — я сама себе навигатор, а вот Дженни в своей (моей) офисной юбке выглядела как потерявшийся ребенок на официальном приеме.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — вежливо спросила консультант.

Эффект был диким. Дженни буквально отлетела на пару метров, с грохотом опрокинув стойку с джинсами. В её глазах вспыхнуло что-то по-настоящему страшное — гремучая

смесь паники, звериной ярости и четкого, осознанного намерения убить. Она мгновенно сгруппировалась, и в её позе промелькнуло что-то знакомое по фильмам о спецназе. Боевая стойка. Пружина, готовая распрямиться и перебить хребет любому, кто подойдет ближе.

— Дженни, что с тобой?! — крикнула я, перекрывая шум падающих вешалок.

Она вдруг в мгновение сникла. Исчезла боевая машина, осталась только дрожащая, сломленная девчонка. Дженни затряслась всем телом и бросилась ко мне. Она вцепилась в мои руки стальной, нечеловеческой хваткой, заглядывая в глаза с истеричной мольбой.

— Мисс Синтия, умоляю вас… пожалуйста, поехали домой! — шептала она, и её голос срывался на свист. — Я не могу больше, я умру здесь! Пожалуйста!

Она буквально потащила меня к выходу, игнорируя ошарашенные взгляды покупателей и перепуганную продавщицу. Я едва успела расплатиться за те крохи, что набрала, и выскочить на улицу, пока нас не повязала охрана молла.

Всю дорогу обратно Дженни просидела, закрыв лицо ладонями. Она не плакала — я не слышала всхлипов, — но от неё исходила такая вибрация ужаса, что мне самой захотелось забиться под сиденье. Я не решалась заговорить. Тишина в машине была такой плотной, что её можно было резать ножом.

Едва мы переступили порог особняка, я не выдержала.

— Дженни, что это вообще было? — спросила я максимально строго, пытаясь вернуть субординацию.

Дженни замерла. Она медленно убрала руки от лица и посмотрела на меня. В этом взгляде была такая дикая мешанина из ненависти, неприязни и… как ни странно, собачьей благодарности, что у меня по спине пробежали мурашки. Она ничего не ответила. Просто развернулась и бегом бросилась наверх, к себе.

А я осталась стоять в холле с пакетами из T.J. Maxx. В этом доме-музее всё было не тем, чем казалось. Но Дженни… Что не так с этой девчонкой? Она — не робот. Она — оружие, которое кто-то очень талантливо и очень жестоко сломал. И этот «кто-то», скорее всего, сейчас едет из города, чтобы проверить, как дела у его «дочери».

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.